

[Polaris]

Э. КЛИППЕЛЬ

ПОД МАСКОЙ АРАБА

Salamandra P.V.V.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CLXXVI

Salamandra P.V.V.

Э. КЛИППЕЛЬ

ПОД МАСКОЙ АРАБА

Salamandra P.V.V.

Клиппель Э.

Под маской араба. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2016. – 90 с., илл. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CLXXVI).

В книге рассказывается о путешествии из Суэца в Мосул, совершенном немецким этнографом и антропологом Э. Клиппелем в начале 1920-х гг. Клиппель, знаток арабского быта, долго живший в Каире, совершил это путешествие «под маской араба», выдавая себя за богатого бедуина.

ПОД МАСКОЙ АРАБА

ОТ РЕДАКЦИИ

Как это ни странно, но внутренняя Аравия до сих пор, в сущности, менее знакома европейцу, чем громадные пространства Центральной Азии, джунгли экваториальной Африки и даже приполярные страны. Европейцев, которым удалось проникнуть внутрь полуострова, можно пересчитать по пальцам. Жизнь и обычаи коренного ядра арабской массы фактически сохранили свою самобытность и первобытность библейских времен. Влияние Европы проникло внутрь Аравии не дальше, чем на 20-40 км; единственный уголок на громадном полуострове, где европейцам удалось задержаться — это крепость Аден, где на голых скалах, под прикрытием пушек своего флота, держится маленький британский гарнизон, охраняющий южный вход и Красное море.

Европеец в большинстве случаев почти незнаком с настоящим арабом — обитателем непокоренной пустыни. Его обыкновенно представляют в каком-то поэтическом ореоле, на дивном арабском коне с копьём и старинным длинноствольным ружьём за плечами, а по внутренней сущности рисуют себе поэтом, рыцарем чести и т. п. В действительности же, при всех своих положительных качествах, современный араб прежде всего является большим практиком, хорошим политиком, отличным бойцом, вооруженным самыми современными ружьями и пулеметами. В политическом отношении арабы фактически держат в своих руках равновесие на Ближнем Востоке.

Для сохранения независимости арабам внутренней Аравии не нужно было строить крепости, держать громадные регулярные армии, заводить флот. Они искони располагали тремя верными союзниками — мелководным неприветливым морским побережьем, пустыней и солнцем. Особенно надежен последний союзник. Европеец прикрывает голову пробковым шлемом, и все же солнце часто убивает его. Что могут сделать регулярные армии народу, который

не боится ни страшного жара, ни резкого колебания температуры, который в течение долгого времени может существовать пригоршней сухих фиников с прибавкой маленькой порции верблюжьего молока, народу, подвижный поселок которого может в несколько часов раствориться в безбрежных пространствах песчаного океана?

С незапамятных времен через север Аравии тянулись мировые караванные пути, так как здесь находится «стык» трех материков и сюда же примыкали главные морские пути древности и средних веков.

Старинные арабские географы называли Аравию островом, и это недалеко от истины. Она окружена с трех сторон водой, а с четвертой морем песка. Эта обширная страна, лежащая между западным углом Азии и восточным Африки, окаймлена цепью арабских государств¹, обладающих очень неопределенными границами. Пограничная кайма окружает голые и негостеприимные области пустынных равнин и гор, области, где кочуют многие племена, в сущности совершенно независимые от крупных арабских городских центров,

¹ Номинально независимых арабских государств — восемь: Трансиордания (Керак). Хиджас, Ассир, Неман, Оман и Койвет, но действительно не зависят от давления английских угроз и золота только два внутренних государства — Джебель Шаммар и Недж. Могучие эмиры последних до сих пор успешно противостоят иностранному владычеству. Не вдаваясь в подробности политических интриг, сложным узлом опутавших арабский вопрос, скажем только то, что Англия старается если не покорить открытой силой племена внутренней Аравии, то по крайней мере окружить их кольцом арабских же, но находящихся под английским влиянием государств-буферов. Однако, здесь английская паутина встречается с происками Франции, чем часто успешно пользуются шейхи (правители) многочисленных племен внутренней Аравии. Из них до последних времен только два пользовались действительным могуществом — султан Неджа и имам мошной секты «вахабитов» — Ибн Сауд и эмир Джебель Шаммара, Ибн Рашид. Столица первого гор. Риад; второго — Хайль. Однако, недавно Ибн Сауду не только удалось сокрушить Ибн Рашида, но и захватить священные города Мекку и Медину, чем чрезвычайно осложнился весь аравийский вопрос.

как Багдад, Дамаск и даже от священных Мекки и Медины.

Два крупнейших политических организма центральной Аравии, Джебель Шаммар и Недж, занимают нагорье, защищенное со стороны моря горными хребтами, а с севера пустыней Нефуд. В южной части полуострова расстилается другая громадная пустыня — Руба эль-Хали. Обе пустыни в общем непригодны для жизни, хотя там есть большие оазисы, и в определенные сезоны даже там местами появляется скудная растительность, способная прокормить неприхотливый скот кочевников.

Хотя прибрежные части Аравии имеют достаточное количество влаги, чтобы прокормить оседлое население, истинной колыбелью арабов являются именно названные центральные пустыни. Так как здесь не могло прокормиться возрастающее население, отсюда, с мечом в одной руке и Кораном в другой, выходили те замечательные орды, которые так успешно создавали высокую и своеобразную цивилизацию, попадая в благоприятные внешние условия, и сумели распространить ее от Гималаев до Гибралтара и от Черного моря до реки Замбези в Африке. Даже в новейшие времена трудно сказать, чье внутреннее влияние сильнее хотя бы среди населения Черного материка — араба-купца и миссионера Корана или европейцев, не исключая и миссионеров-христиан, несущих наряду с внешней цивилизацией много бед простодушным туземцам Африки.

Арабов Аравии можно разделить на две крупные группы: «хадари» или оседлые жители городов и «бедуины», «люди палаток», как они себя называют. Первые, если они образованы и состоятельны, мало чем отличаются от типичной европейской буржуазии; в остальной массе, городские арабы, под влиянием развращающей обстановки европейского капитала, почти утратили национальное чувство, невежественны и лживы; простота и независимость жителя пустыни им совершенно чужды. В городах-оазисах, как Риад, Хайль, Таиф и др. создались своеобразные оседлые торговые общины, население которых лучше понимает свои национальные интересы, нежели прибрежное арабское город-

ское население. Но зато и своих удаленных и уединенных городах, забронированные от всего света знойной пустыней и невидимым, но тоже труднопроницаемым барьером своего фанатизма, они являются одним из наиболее изолированных осколков остального мира.

На окраинах оседлых поселений имеется еще одна группа арабов — фелахи. Эти земледельцы сильно эксплуатируются торговым населением городов, а, с другой стороны, нередко много терпят и от кочевников-бедуинов, без всякой жалости вытравливающих своим скотом их поля. Иногда они ведут полукочевой образ жизни и живут в палатках, но чаще в глинобитных мазанках, и положение их в общем весьма печально.

Бедуины делятся на племена, которые, в свою очередь, разбиты на роды, а последние на семьи. Каждая группа подчиняется шейху, которые по правам и обязанностям близки библейскому патриарху. Узы родства чрезвычайно сильны.

На обширном пространстве от р. Тигра до Иордана и от Индийского океана до предгорий Курдистана, в том или ином направлении, в зависимости от времени года, кочуют многочисленные племена,двигающиеся с своих зимних пастбищ к летним или обратно,

Бедуины, кочующие между Неджем и долиной верхнего Евфрата, принадлежат к двум могучим племенам — «анизе» и «шаммар». Но кроме этих естественных организаций, насчитывающих по несколько миллионов человек, встречаются и другие, сравнительно малочисленные племена. Для неопытного глаза европейца все бедуины выглядят одинаково как в отношении одежды, манер, внешности, так и по языку. Сами же арабы быстро и безошибочно определяют племя, а иногда и род встречного другого бедуина.

Когда ранней весной на южных горных склонах Курдистана начинается таяние снегов, из отдаленных ширей пустыни, с юга, начинается ежегодный, весенний, великий исход бедуинов к пастбищам верховьев реки Евфрата. Поднимаются сразу целыми племенами и родами; тянутся все,

малые и большие, женщины и дети, везется весь домашний скarb, высоко в воздух поднимается мельчайшая пыль от бесчисленных овечьих, конских, козлиных и верблюжьих ног. Все отдохнет и откормится только на сочной траве предгорий Курдистана, куда вся масса, истомленная переходом в несколько сот километров, добирается через полтора-два месяца после начала исхода. Здесь они пробудут до первых заморозков в горах; тогда начинается обратное шествие широким фронтом и рассеивание племен по зимовьям, разбросанным на всем громадном пространстве Аравийского полуострова.

Чем живут бедуины? Главным образом тем, что дает им верблюд, вернее, верблюжья самка. Верблюд доставляет пищу, питье, одежду и топливо и в самом прямом смысле слова — защиту от врага; в случае нападения верблюды ложатся на землю, образуя своими телами своего рода окоп, из-за которого бедуины отстреливаются от неприятеля...

Бедуин рождается на вольном воздухе, взращивается на верблюьем молоке, питается его мясом и творогом, одевается в ткань из его шерсти, спит в палатке из его шкуры. Лет с 10 он уже самостоятельно управляет верблюдом. Все необходимое, от оружия до спичек, привозят все те же незаменимые друзья бедуина. Весной, когда бывает много молока, из него готовится творог, который скатывается в шарики и сушится на солнце; когда молока станет мало, такие шарики распускаются в воде, при чем получается жидкий, кисловатый напиток, служащий заменой молока. Мясо едят очень редко; режутся только старые или слабые животные. Подобие хлеба, большие пресные лепешки из ячменной муки, едят только тогда, когда удастся обменять ее у феллахов. Грозу феллаха, часто появляющуюся в Аравии саранчу, бедуин считает даром свыше; поджаренные на углях ее задние лапки считаются лакомством: из нее готовится мука, служащая для пищи как самим бедуинам, так и подмешиваемая в корм скоту (даже лошадям) в периоды бескормицы. Бедуины утверждают, что такая мука в два раза питательнее ячменной. Лю-

бимый товарищ бедуина, знаменитая арабская лошадь, не мог бы существовать в условиях кочевания в пустыне, если бы не тот же верблюд и саранча. На длинных переходах в пустыне, где колодцы и очень редки, и часто пересыхают, или вода в них пригодна только для самого человека и верблюда, а корма совсем скудны, кобылы, жеребята и даже жеребцы дважды в день получают пойло из верблюжьего молока с прибавкой муки из саранчи. Одна из симпатичнейших черт бедуина — это его нежная любовь к коню. Если приходится туго, голодать будет он сам, но не лошадь.

Пород верблюдов так же много, как пород лошадей; разница между «джемаль маем», рабочим верблюдом, и благородным беговым «хеджином» не меньше, чем между тяжеловозом и орловским рысаком или английским скакуном. Сирийский одногорбый верблюд считается лучшим транспортным животным; с грузом в 230 кг (до 15 пудов) он в сутки может пройти свыше 100 км. Хороший «хеджин» в случае нужды может пробежать до 130 и даже 150 км в сутки. Известны случаи перехода в 750 км, сделанные всего в 6 дней.

Аравия во всех направлениях пересечена караванными путями, и это неудивительно, так как не только товары транзитных торговых путей Сирийской пустыни, но и все необходимое для внутриаравийских городов и поселков полуострова, каждый метр материи, оружие, боевое снаряжение, многие другие предметы, продукты, до спичек включительно, развозится во вьюках на спине корабля пустыни. Существуют выработанные с точностью наших железнодорожных тарифов тарифы для транспорта в пустыне. Для обеспечения и облегчения движения караванов с незапамятных времен выработались особенные правила и своеобразные законы пустыни; каждое племя имеет свой общепризнанный и закрепленный за ним веками район — «дира», в котором оно пользуется суверенной властью; для прохождения «дирой» требуется предварительное согласие племени и по соглашению взимается строго определенная пошлина; соблюдение установленных условий дает изве-

стные гарантии, хотя бы в отношении бедуинов данного племени. Существуют профессиональные проводники караванов; эти лица, так называемые «укейли», имеют разрешение и гарантии вести караваны свободно через все «ди-ра». Обыкновенно они принадлежат к племенам центральной Аравии, но в эту организацию не принимаются бедуины анизе и шаммар, как слишком сильные племена, могущие скрыть недобросовестного укейля; не принимаются члены и из небольших племен, если таковые находятся в кровавой вражде с каким-либо из многочисленных племен. Особенно надежными, и как проводники, и как верблюдо-возжатые вообще, считаются бедуины, состоящие членами секты «вахабитов»¹.

На начальнике каравана лежит много забот и большая ответственность. Когда караван проходит по местности, где могут встретиться бродячие разбойничьи шайки, принимается целый ряд чисто военных предосторожностей. Для ночлега обыкновенно избирается дно «вади», т. е. сухого русла потока, где легко скрыть ночные костры каравана от

¹ Вахабиты — одна из сект ислама, особенно распространенная в центральной Аравии, возникшая под влиянием различных искажений в магометанстве, допущенных постепенно развратившимися правящими кругами Мекки и Медины. Внешняя цель — стремление оправдать суровый аскетизм ислама, что проявляется в запрещении украшать мечети, требовании соблюдать омовения, посты и пр. Однако, все это прикрывает только внутреннюю сущность и цели учения — объединить арабов для успешной борьбы сначала с турецким игом, а позже с натиском европейского империализма. Хотя центральной Аравии и не приходится непосредственно сталкиваться с последним, однако, арабы хорошо понимают значение происков и захватов европейцами в Египте, Сирии. Месопотамии и северо-африканской цепи арабских государств. Значение вахабитов возрастает с 1872 года, когда правитель Неджа, одолев своих ближайших соперников, правителей внутренней Аравии, стал духовным главой вахабитов и фактическим руководителем борьбы арабов с турецким влиянием. Его преемник Ибн-Сауд в настоящее время является наиболее мощным и влиятельным в Аравии лицом. Арабы смотрят на вахабитов и их главу, как на борцов за независимость арабского мира.

посторонних взоров. При этом верблюды разгружаются, и кипы товаров складываются так, что образуется «зариба», четырехугольный вал. Быстро устанавливаются палатки из шкур или полотнищ верблюжьей или, чаще, козьей шерсти; верблюдов до темноты выпускают кормиться на тощую, сухую колючую траву, которая встречается почти всюду даже в самых глубоких пустынях. С наступлением темноты верблюды загоняются в «зарибу» и укладываются вдоль ее внутренних сторон, усиливая этим ее обороноспособность. На края вади высылаются часовые, и стоянка приобретает вид военного бивуака.

Все бедуины, в особенности вахабиты, в течении дня строго выполняют установленные Кораном молитвы, простираются ниц лицом к Мекке и за недостатком воды совершают нечто вроде омовения песком.

В своих отношениях к женщине арабы очень далеки от рыцарства: «Что я не могу есть — съедят женщины», «женщины могут есть все» — вот характерные арабские поговорки; при счете населения женщины не принимаются в расчет. Развод у бедуинов — самое обыкновенное явление. Женщина, пока она молода, расценивается, как игрушка, когда состарится, — как вьючное и домашнее животное. Ввиду сравнительной бедности кочевников, многоженство у них очень редко и обыкновенно встречается только у шейхов. По желанию женщины развод почти невозможен, хотя жена, в случае дурного обращения мужа, может уйти к своей родне, и муж не вправе требовать ее обратно. Чадра и гарем процветают только у арабов городских; жизнь в палатках и вообще в обстановке пустыни значительно смягчили эту сторону магометанского быта.

Разбой в глазах бедуина представляется почетным делом. Закон «око за око, зуб за зуб» глубоко внедрился в его кодекс чести; кровавая месть между отдельными семьями, родами и даже племенами завещается от поколения к поколениям.

Подавляющее большинство бедуинов безграмотно; мудрость и быт веков передается от отца к сыну за вечерними

беседами у тлеющего кизяка в длинные вечера, при свете мерцающих звезд пустыни.

В характере бедуина много положительных качеств. Он храбр, воздержен, терпелив, вдумчив, вежлив, честен в торговых сделках, давши слово, крепко держится его. Его вызывающая гордость, недоверчивость и готовность к ссорам уравновешивается его врожденной воспитанностью и большим терпением.

Каково будущее бедуинов Аравии? Сумеют ли они слить свои интересы с интересами остального многомиллионного мусульманского мира? Окончание мировой войны, бесцеремонный раздел слабых, отсталых стран великими державами значительно ускорили пробуждение всех народов Востока. Однако, имеется много и тормозов, задерживающих их объединяющие и революционные стремления. К числу последних надо отнести патриархальный уклад жизни сынов пустыни, отсутствие промышленного пролетариата, реакционное влияние все еще сильного ислама, племенную раздробленность, бесправное положение женщин и др.

Предлагаемая читателям книжка, принадлежащая перу немецкого путешественника, рисует нам эту бесхитростную жизнь «детей пустыни».

Эрнст Клиппель, по профессии врач, решил предпринять довольно рискованное путешествие. Переодевшись бедуином, он вздумал пересечь под видом паломника-мусульманина сирийскую пустыню и проделать таким образом на верблюде весь путь от Каира до Моссула. В те места, по которым проехал Клиппель, европейцы обычно проникали в составе многолюдных и специально снаряженных экспедиций или во главе «отрядов особого назначения». Нашему же автору, благодаря удачной инсценировке, удалось увидеть Аравию такой, какова она есть. Конечной целью путешественника было посетить места обитания загадочной секты огнепоклонников-иезидов, которые имеются и в пределах СССР: в Грузии и Азербайджане. Около Моссула расположены как раз их главнейшие святилища.

Клиппель начал готовиться к своему путешествию долго. В течение 12 лет он служил в Египте и употребил 4 года на изучение классического и разговорного арабского

Карта Аравии

языка, которым и овладел в совершенстве. Стараясь сохранить свое инкогнито, под видом араба, он подолгу жил в пустыне, в 10 км от Каира, поставив свою палатку среди бедуинских шатров. Соседи по стоянке, равно как и его слуга — Аршад, видели в нем знатного мусульманина, который собирался отправиться на паломничество к святым местам. Эта палатка, разбитая среди пустыни и служившая обитателю Каира своего рода дачей, и явилась отправным пунктом для всего путешествия.

В ПЕСКАХ СУЭЦА

Ночная темь чуть побелела на востоке, как меня уже разбудил рев дромадера. Аршад был на ногах и суетился около животного. Седло было надето, по бокам его прикреплены две туго набитых дорожных сумки, поверх накинуты овечьи шкуры, а под всем этим сооружением крепко увязаны меха с водой, наполненные лишь до половины. Прямо на голое тело я повесил свою небольшую кожаную сумочку, держащуюся на толстом шнуре из зеленого шелка; в ней хранился у меня Коран и рекомендательные письма. Потом я облачился в широкую бумажную рубашку из тонкой белоснежной материи. Рубашка доходила мне до лодыжек, рукава же расширялись книзу до необъятных размеров, свисая до самой земли и постепенно суживаясь на концах. На выбритую догола голову сначала я надел полотняную ермолку — потник, а поверх нее водрузил толстую коричневую шапку из войлока; на ней уже укреплялась «коффиджи» — белая с красным клетчатая полупшелковая ткань величиной чуть не в квадратный метр; она складывалась треугольником, а по бокам у нее свисали кисти, болтавшиеся на длинных шнурах. Две таких кисти спустились слева и справа вдоль лица, а третья болталась за спиной. Весь этот головной убор сверху я обвязал «окалем»

— толстой, из двух жгутов скрученной веревкой из черной козьей шерсти. К ногам я подвязал мои замечательные сандалии: сделаны они были из кожи гиены и пропитаны соком фиников. Опрялся я кожаным поясом, на котором укреплены были кобуры для револьверов и патронташ.

Пока я облачался, Аршад наполнил половинку кокосового ореха (она у нас шла за чашку) горячим кофе, черным и горьким, и подал мне. Выпив кофе, я отправился за палатку, захватив с собой пузатый кофейник, луженый внутри и своим длинным вытянутым носиком напоминавший садовую лейку.

Здесь я перекинул через локти свисавшие до земли кончики своих чудовищно широких рукавов и начал бормотать вполголоса все те формулы, которыми сопровождается обряд «Вуду» (религиозного омовения). Мне важно было, чтобы Аршад не заподозрил, кто я такой на самом деле. Церемония была не из коротких, но я терпеливо довел ее до конца.

Когда я окончил и поставил сосуд на место, Аршад уже управился со всеми своими делами. На песке у входа в палатку он разослал мой молитвенный коврик. Я вступил на него, расставив немного ноги, лицом повернувшись в сторону Мекки. Приподняв обе ладони на уровень лица, так что кончики больших пальцев прикасались к мочкам ушей, начал я свою утреннюю молитву, сопровождавшуюся многочисленными земными поклонами. Я касался коврика лбом и носом, поднимался вновь и опускался на пятки, вытянув руки вдоль бедер и все время повторяя слова молитвы, начинавшиеся и кончавшиеся возгласом: «Велик Аллах!». Поднимаясь на ноги, я должен был тщательно следить за тем, чтобы большие пальцы моих ног не сдвигались с места. Два раза я повторил молитву, прочел короткую главу из Корана — и первое моление правоверного мусульманина, полагающееся на заре, было окончено.

Потом я перекинул через одно плечо ружье, через другое — толстую, сделанную из красного шелка перевязь. На этой перевязи болтается кривая сабля в кожаных, выложенных серебром ножнах. Вережку, которая удерживала дро-

мадера, обвиваясь вокруг колена его правой передней ноги, Аршад отвязал и сам стал у шеи животного, а я прыгнул в седло, устланное овечьими шкурами, взял в правую руку поводья и тронул вперед верблюда. Обитатели соседних палаток, приехавшие из Мекки торговцы верблюдами, проводили меня до ближайшего межевого знака, где и распростились, с пожеланиями благополучного пути.

Немного погодя, на востоке во всем своем величии поднялся диск солнца, и все вокруг загорелось тысячами разноцветных красок.

С час я ехал прямо на восток среди пустыни, хранившей полное безмолвие. Вдали показалось маленькое облачко. Вот оно все ближе, все больше. Это стадо коз. Встречный ветер осыпал меня тонкой пылью. Мы уже совсем поравнялись. Завидев меня, босоногая пастушка кричит: «Не подаришь ли табака, о шейх, добрый шейх?». Руку она прижимает ко лбу, как это делают в знак приветствия. Из сумки, болтавшей у седла, я достал горсть табака и протянул ее девушке, бросив украдкой взгляд на ее покрывало; целая коллекция монет была прикреплена к этому куску легкой ткани. Девушка набила табаком свою каменную трубку, сделанную из змеевика, приподняла немного покрывало, чтобы воспользоваться огоньком моего огнива, произнесла обычный «салам!» (будь здоров!) и бросилась догонять свое стадо, усердно пуская клубы дыма.

Я остерегался пускать дромадера рысью, которая скоро утомляет животное, и ехал примерно со скоростью 7 километров в час. Передо мной, куда только хватал взор, расстилалась пустыня, полная блеска, но безмолвная. Я спустил коффиджи, чтобы несколько защитить глаза от слепящих лучей солнца, а для защиты щек завязал платок под подбородком, выставив наружу только бороду.

Верблюд мой носил грациозное арабское наименование Эль-Хуббайджибах, что в переводе значит — «любимца». Это была самка четырех лет, чистокровный отпрыск Шерарата, где выращиваются лучшие верховые верблюды Аравии. Она могла в среднем делать в день по 10 км при нагрузке в 250 кг и в самые жаркие месяцы была в сос-

тоянии по пяти дней оставаться без всякого питья; при наличии же зеленого корма этот срок возрастал до 25 дней непрерывного бега.

Дромадер бежал с низко опущенной головой и вытянутой шеей. Как ни скудны, как ни иссушены были солнцем былинки, попадавшие по краям тропы, животное не пропускало ни одной и, не замедляя шага, прилежно выщипывало жалкие побеги.

Вдали показались шатры бедуинов. Я взял на них направление и, проезжая мимо, мог рассмотреть несколько разостланных овечьих шкур, которые днем служили для сиденья, а ночью превращались в постели. Тут же находился полный набор утвари, необходимый для приготовления питья и кофе. Так обставлена была мужская половина. Налево, отделенное полотнищем палатки, находилось помещение для женщин. Там валялось несколько мехов для воды, виднелось два луженых котла для варки пищи и рядом деревянное блюдо, размером не уступающее колесу. Это блюдо служило общей посудой для всех членов семьи бедуина. У входа в шатер сидел маленький бедуинчик, едва прикрытый одеждой. Из куска верблюжьей кожи он вырезывал сандалии. Я приветствовал мальчугана с важным видом, и на мое приветствие он отвечал с не меньшей важностью, ни на минуту, однако, не отрываясь от своей работы.

Я снова выехал на тропу. Вокруг не было ни души. Вдруг у себя за спиной я услышал хорошо знакомый окрик, которым погоняют верблюда: «Хаик! Хаик!» Я обернулся. То был мой приятель Рабья.

— Куда направляешься, брат мой? — спросил он меня.

— Держу путь на Суэц, как сам можешь видеть! — отвечал я.

— И каково место твоего назначения?

— Вади Фури: там наш повелитель — да продлит его дни Аллах! — назначил на завтра охоту!

Следуя примеру Рабьи, я ослабил поводья, и, работая пятками, мы перевели верблюдов в быструю рысь. Так мы ехали рядом по недвижной пустыне, которая, под зной-

ным дыханием начинающегося дня, уже затянулась синеватой дымкой.

Тени, упавшие от нас, становились все меньше.

— Завернем вон в ту боковую долину: пора и закусить, — обратился я к своему спутнику.

Рабья принял мое предложение. Мы перевязали верблюдам ноги у коленей и оставили их пастись без присмотра. Поев и напившись кофе, мы отправились на поиски своих рысаков. Разыскивая свою «Любимицу», я наткнулся на труп, раздетый донага, валявшийся на каменистой почве среди скал. Лицом он уткнулся в землю. Мы перевернули тело. На туловище несчастного зияла рана, доходившая почти до половины живота.

— Прикроем тело камнями! — предложил я Рабья.

— Права твоя речь, о Абдельвахид, — согласился он со мной.

Труп был уже завален камнями почти до самых пят, как вдруг Рабья внезапно вскрикнул и выпустил из рук камень, который он подтаскивал к месту погребения. Я подскочил к месту происшествия и увидел, что в правую руку несчастного глубоко впился скорпион и притом черный — самый опасный из всех. Я отдернул гада и придавил его ногой, а затем бросился к своей сумке, прикрепленной у седла, и притащил ланцет с тем, чтобы возможно скорее вырезать мясо вокруг укуса. Но лишь только Рабья завидел нож у меня в руках, как объятый страхом, испустил страшный вопль и закричал:

— Заклинаю тебя твоей бородой — не трогай!.. — и свалился без сознания.

Я решил воздержаться от оперативного вмешательства, снял с своего приятеля пояс и крепко перевязал им руку, так что пораженная часть мякоти сильно выпятилась наружу. Вслед за тем я стал пускать клубы дыма ужаленному в нос и тем привел его в чувство.

— У меня в шатре, — с трудом выговорил он, — есть снадобье, оно изготовлено из слюны большого падучей. Это противоядие против любого яда.

Не вступая в дальнейшие разговоры, я заставил дромадера своего приятеля стать на колени и помог ему взобраться на седло. При помощи кушака я привязал несчастного к заднему колышку седла, и мы понеслись, что было духу, к шатру бедуина.

Рабья оставался недвижимым: он налег всем телом на передний колышек седла, а ноги его болтались безжизненно по бокам. Но вот мы и у цели. Не теряя ни минуты, я соскакиваю с верблюда и заставляю другое животное осторожно стать на колени. Мальчик — сын Рабьи — с причитаниями возится возле меня. С его помощью я отвязываю спутника от седла. От страха он потерял способность речи, на него страшно взглянуть: лицо — иссиня-черное, правая рука — одна сплошная опухоль. Мы внесли больного в шатер и уложили его там. Сосед по стоянке не замедлил прибежать с маленькой склянкой и принялся втирать какую-то мутную жидкость в том месте на среднем пальце Рабьи, где виднелась красная точка укуса. Немного спустя больной очнулся и попросил пить. Втирание повторили. Мальчик заботливо перевязал руку отцу, и тот впал в тяжелый лихорадочный сон.

Скоро старику-бедуину стало, очевидно, лучше: на теле выступил пот, лицо потеряло свою зловещую окраску; очнувшись, он попросил воды, а затем погрузился в спокойный сон.

Убедившись, что в моем уходе больше нет надобности, я вышел из шатра, взгромоздился на верблюда и двинулся в дальнейший путь, через какой-нибудь час миновав вход в злосчастную долину.

В течение четырех часов я ехал без всякой помехи все на восток. Я перевалил через обширное скалистое плато, едва прикрытое тонким слоем летучего песка. По правую руку показались мягкие очертания дюн, расположенных полукругом. Они перемежались с полосами скал, которые казались отмелями среди песчаного моря.

В долине между скал солнце уже коснулось горизонта. Легкий ветерок подул с востока и донес до меня запах падали. Вонь все усиливалась. Вдруг послышались раскаты

смеха. Казалось, что смеется ребенок. Это была гиена, как известно, имеющая обыкновение с наступлением сумерек покидать свою берлогу и приближаться к местам, где хозяйничает человек. Взрывы хохота все приближались. Я замедлил ход «Любимицы» и стал всматриваться в том направлении, откуда слышались звуки. Запах падали становился все нестерпимее. Вскоре я увидел труп верблюда, огромный скелет которого, подобно привидению, выделялся на белом песке пустыни. Совсем замедлив шаг верблюда, туго натянув поводья, я медленно подъехал к холму, образованному выветрившимися скалами. Обогнув один из утесов, я попал в естественную выемку и здесь остановился, держась в тени отвесного барьера скал.

Снова раздался отвратительный хохот. Я крепко обмотал поводья вокруг левой кисти, а правой рукой тихонько стал наводить ружье. Наконец, я завидел гиену. Нас разделял, может быть, какой-нибудь десяток шагов, когда я наконец выстрелил. Гиена кувырнулась через голову и рухнула наземь раньше, чем я успел нажать курок во второй раз.

«Любимица» по-прежнему не трогалась с места. Я слегка похлопал ее по шее и крикнул: «чиль! чиль!» и животное опустилось на колени. Я слез с седла и осмотрел добычу. Пуля пробила левое ухо, прошла почти у самого глаза и, видимо, поразила зверя наповал. Я решил не сдвигать тушу с места и переночевать тут же. После долгих поисков удалось набрать сухого верблюжьего помета и разжечь костер между камнями. Из меха налил я воды в мой медный луженый котелок, засыпал воду гороховой мукой и подбросил в это варево немного мясных консервов. Я разостлал свою суфру¹ и вскоре мог уже приступить к скромному ужину. Суфра одновременно служила и столом, и скамьей.

¹ Под именем суфры в Египте известен круглый кусок овечьей шкуры; по краям ее вдеты кольца; через кольца продевается шнур, так что шкуру можно, по желанию, превратить в кошель, ведро или ковш.

Утолив голод, я закутался в плащ, спиной и головой прижался к телу дромадера, поверх накинул овечью шкуру и заснул, не выпуская из рук оружия. Сну моему не помешал даже пронзительный вой шакалов, который доносился по ветру откуда-то издалека.

Поднялся я с восходом солнца. Первым моим делом было заняться вчерашней добычей. Нужно было содрать шкуру, и я тотчас принялся за эту малоприятную работу, и которой к тому же был малоопытен. Провозившись за этой работой часа два, я свернул мех и уложил его под седло; потом наскоро умылся и пустился в дорогу.

Местность то повышалась, то понижалась, цепи дюн перемешались со скалистыми кряжами. Насколько был богат событиями предшествующий день, настолько однообразно текло время на этот раз. Тропа оставалась пустынной. Время от времени я запускал руку в сумку при седле, отламывал по маленькому кусочку хлеба, по твердости не уступавшего камню, и закусывал парой-другой черных маслин; лишь в полдень разрешил я себе глоток воды из меха, всегда готового к моим услугам. Вода в этом мехе была нагрета знойным солнцем пустыни.

Солнце уже склонялось к западу, когда я достиг колодца, расположенного в часе езды от Суэца. Муэдзины призывали уже верующих на вечернюю молитву, когда я наконец поравнялся с первыми домиками города. Здесь я прежде всего разыскал грека-чучельщика и вверил шкуру гиены его попечению.

«Любимица» получила охапку сочного клевера, а я пополнил свои съестные припасы, закупил масла, риса и муки, запаковав все это тщательно в сумки у седла. Оба меха я наполнил хорошей питьевой водой, а сам основательно вымылся. Избегая приветливых с виду суэцких гостиниц с их блохами и клопами — меня они соблазнить не могли, — я в поисках ночлега выехал за город и устроился на ночь под открытым небом вместе со своим дромадером.

Первые лучи восходящего солнца разбудили меня, и я принялся собирать валежник. Скоро запылал огонь, и густой кофе, как всегда, подкрепил мои силы. Теперь требо-

валось разыскать какой-нибудь караван, вместе с которым можно было бы пуститься в дальнейший путь. Невдалеке от меня тяжелым шагом продвигалась вереница гужевых верблюдов, но эта компания для меня мало подходила. Я оседлал «Любимицу» и двинулся вперед по долине. После нескольких поворотов я вновь выехал на главную дорогу, извивавшуюся среди холмов, и здесь заметил всадника. Я решил ехать вслед за ним, полагая, что он замыкает ленту каравана. Мое предположение оправдалось, и я скоро нагнал караван. После обмена обычным приветствием меня засыпали вопросами о том, кто я и куда еду.

— Я — Абдельвахид, сын Гуссейна!

— Хадари! (оседлый) — воскликнул юноша, ехавший впереди.

— Ничуть не бывало, дитя мое. Тебе не ведомо, как видно, великое племя Ханади в восточной провинции!

— Куда же направляешься ты, Абдельвахид? — допытывался мой собеседник.

— Цель моего путешествия — Моссул: я везу письмо от отца к управителю вилайета! — отвечал я ему не без хвастовства. — А вы кто такие?

— Мы принадлежим к роду Тияаха, — последовал гордый ответ.

— Куда держите путь?

— На Маан, о брат мой!

Добрый час прошел в таких расспросах.

Я предпочел держаться в хвосте каравана.

Все круче становился подъем, все нещаднее жгли солнечные лучи; даже в тени было 45° Цельсия. Наконец мы достигли высшей точки перевала и жадно стали вдыхать ветерок, дувший нам навстречу. Пройдя 55 км среди непроглядной ночной темноты, мы, наконец, добрались до подножия Джебель Тахар. Быстро набрали сухого хвороста и верблюжьего помета, оставшегося после проходивших здесь раньше караванов. Имевшийся у меня запас кофе я пустил в оборот для угощения своих новых спутников. Тем временем начальник арьергарда заинтересовался моим ружьем. Я сунул ружье прикладом под мышку, раскрыл затвор и

дал бедуину рассмотреть магазин. Погонщики верблюдов обступили меня со всех сторон: каждому хотелось посмотреть чудесное оружие. Но раньше, чем они могли опомниться, я выстрелил два раза в воздух и живо закинул винтовку обратно за спину. Таким же образом был продемонстрирован мной и браунинг.

— С этой винтовкой в правой руке и револьвером в левой я без труда отобьюсь даже в том случае, если бы вы все вместе напали на меня, о брат мой!

Тем временем подоспел рис, и я с удовольствием приступил к горячему кушанью, полив его предварительно имевшимся у меня свежим коровьим маслом.

Мои спутники набивали свои трубки и покуривали у едва тлевшего костра, а я закутался в плащ и, подостлав под себя овечью шкуру, задремал.

Легкий толчок в бок разбудил меня. Темень была крошечная. Я вскочил, оседлал «Любимицу», укрепил сумки и меха и вскарабкался на свое сиденье.

Один из моих спутников сообщил мне новость. Леопарды беспокоили ночью верблюдов. Мы зажгли сухую ветку и при свете огня увидели на песке явственные, еще свежие следы этих непрошенных посетителей.

Мы быстро перебрались через северные отроги Тахара и очутились на обширном плоскогорье эт-Тих. На юге резко вздымались неприступной стеной полукруглые граниты Синайского массива, от высочайшей вершины которого — Джебель Сербаль — нас отделяли два дня пути. Все дальше и дальше углублялись мы в пустыню, которая имела высоту почти в 1800 м над уровнем моря. Наконец мы пересекли Вади-эль-Ариш, реку, пограничную с Палестиной, так называемый «Египетский ручей». Он полноводен зимой, после обильных дождей, но вслед за тем вода спадает, и ложе реки почти пересыхает.

В полных потемках достигли мы Калаат эн-Нашль, что значит «замок пальм».

Занялась заря нового дня. День не обещал быть благоприятным для путешествия. С юга и востока нас обдавало горячее дыхание ветра, словно какие-то гигантские

меха непрерывно раздували пламя костра. С каждым порывом ветра воздух темнел от пыли, так что мы продвигались точно в тумане. И так весь день с утра до вечера. Всадники качались на седлах, время от времени подбадривая верблюдов вялыми возгласами: «Хаик! Хаик!».

Силы наши подходили к концу, когда мы сделали привал в довольно укромной расщелине между скал, защищенной от жгучего самума. Но нам не суждено было насладиться отдыхом. Здесь мы наткнулись на кучку каких-то донельзя оборванных людей, видимо, пешком пересекавших пустыню. Жалкие лохмотья едва прикрывали их тело, тощие узелки были укреплены вместо тюрбанов или болтались за спиной, но у каждого все же было по кремневому ружью и по сабле. Произошел обычный в таких случаях обмен «саламами», и вслед за тем шайка стала располагаться на отдых по соседству с нами. Кое-кто из нашего каравана подошел поближе к этим мало внушавшим доверие бродягам, а я, так как стоял ближе всех, обратился к ним с вопросом:

— Что нужно вам здесь, о путники?

— То же, что и вам: мы устраиваемся здесь на ночлег!

— Пустыня обширна, о сыны Адама. Неужели вы не могли би расположиться на ночлег где-нибудь в другом месте? — тон моего голоса был достаточно суров.

— Одним нам страшно в пустыне; здесь так много разбойников: лучше мы останемся около вас и пробудем здесь до рассвета!

Я рассмеялся своему собеседнику в лицо и пробормотал вполголоса:

— И робки же у вас сердца: вам ли бояться грабителей? Все ваше достояние — оружие, а им вы снабжены в достаточном количестве!

Вновь прибывшие перестали вертеться около нас, они разложили в темноте свои скудные пожитки и принялись укладываться спать. Но начальник каравана, сидевший поодаль на корточках, обратил на них внимание. Рысий взор бедуина насквозь пронизал оборванцев, и, недолго думая, он крикнул им:

— Эй вы, люди, убирайтесь-ка отсюда прочь, да поживее!

Сначала они разразились ругательствами; патрули стали сетовать, что мы оставляем на произвол судьбы несчастных бедняков, но все же в конце концов они стали собирать свою требуху, мы же, хоть и занятые варкой пищи, не спускали с них глаз, пока они не ушли.

— Да это разбойники, настоящие разбойники, — говорили, не стесняясь, многие из каравана.

— А что, если они вернутся ночью, когда мы заснем?

— Пусть только попробуют, воровское отродье! — отрезал в ответ начальник каравана.

После ужина он отрядил четырех человек нести дозор. Я благословлял судьбу, что не попал в число дозорных: провести эту ночь без сна мне было бы не под силу.

Проснулся я весь в холодном поту. Мне почудилось, будто кто водил волосяной метелкой по моему лицу: то были волосатые гусеницы, которые целой вереницей задумали нанести мне ночной визит. Я взял головной платок и похлопал им несколько раз вокруг себя, отгоняя непрошенных пришельцев. Мои спутники храпели, царила полная тишина, и я сам скоро заснул.

Но что это? Резкий крик нарушил безмолвие пустыни. Раздался звук выстрела, я услышал, как начали ругаться мои товарищи, увидел, как они вскочили и кинулись врассыпную, путаясь в своих длинных одеждах. Я остался на месте, не поддавшись общей тревоге. Крики повторились, затрещали ружейные выстрелы. Спустя полчаса тревога улеглась. Выяснилось, что прогнанная нами шайка устроила было нападение на наш лагерь. Вовремя замеченная дозорными, шайка обратилась в бегство.

Ночь не принесла с собой столь желанной прохлады. Около часа провели в разговорах мои спутники, менее меня нуждавшиеся во сне. Их громкая болтовня мешала мне заснуть.

С рассветом я встал и с трудом взгромоздил седло с сумками на крутой горб «Любимицы». Самум утих, но все же в этот день мне очень тяжело было ехать на верблюде вслед-

ствие сильной головной боли и начавшегося воспаления глаз. Еще раньше я заметил, что мои спутники постоянно что-то жевали. Я решился спросить, что это за снадобье.

— Это сежаль, — получил я в ответ. С этими словами погонщик вытащил из своего отвисшего рукава и подал мне кусочек такой же смолы, какой был у него во рту. Я тоже усердно принялся жевать сежаль, стараясь внушить себе мысль, что он прекрасно утоляет чудовищную жажду, развивающуюся в пустыне.

Свежей зелени кругом не было, и нашим бедным верблюдам приходилось довольствоваться сухими колючками, торчавшими из расщелин между камнями. Вскоре мне удалось увидеть и само дерево сежаль. Незадолго до поры полного его цветения, из него начинает выделяться смолистая жидкость, которая дает наш гуммиарабик. Эту массу и жуют бедуины, а также в качестве пряности примешивают в те черствые лепешки, которые заменяют здесь хлеб.

Растет здесь в пустыне и еще одно любопытное растение — это маленький кустик, цветущий от марта до июня. Насекомые пробуравливают своим жалом нежную кору его тонких коричневых веточек, и из образовавшегося отверстия выступают капельки прозрачной жидкости; капли падают на песок и застывают. Это и есть библейская манна, которая до сих пор называется у арабов «ман».

После полудня мы пересекли восточные отроги горного хребта, носящего все то же название «Джебель эт-Тих», т. е. «горы странствования». Мы долго кружили взад и вперед по ущелью, палимому лучами солнца. Было около восьми часов вечера, когда мы, наконец, достигли северной оконечности Элантского залива. Под ноздреватыми ступнями верблюдов зашуршали блестящие кораллы и перламутровые раковины. Мы выбивались из сил, но все же еще добрых два часа нам пришлось ехать вдоль берега залива, пока наконец мы не добрались до укреплений Акабы, расположенных на заливе того же имени.

Отдохнув здесь некоторое время, мы двинулись в дальнейший путь.

На пятый день после того, как караван оставил Суэц, прохладный ветерок несколько смягчил трудности путешествия, но все-таки даже в тени термометр показывал 43° Ц. Самум, пережитый два дня тому назад, и тревожения, испытанные при проходе через «горы странствования», подорвали мои силы, и я едва держался на седле, а погонщики все ускоряли шаг своих животных нескончаемыми: «Хаик! Хаик!».

Мы двигались сначала на восток, потом на северо-восток, вдоль Вади Хитем, через равнину Кура, на первый взгляд обещающую некоторую прохладу. Далее, руководясь кое-какими остатками старинной римской дороги, мы повернули на север. Уже стемнело, когда мы добрались до жалкого укрепления Кувера, в окрестностях которого сохранились следы римских построек, насчитывающие тысячелетнюю давность. Мы сделали привал в одной из расщелин между скалами. Верблюды с удовольствием влезли в мелкую лужу стоячей воды, питаемую едва заметным источником, и потягивали малоаппетитную влагу. После них напились и мы, расположившись на отдых дружной компанией. Как всегда, принялись варить обычную порцию кофе и неизменный рис. Держи-дерево, у подножия которого я облюбовал себе местечко для сна, обещало дать некоторое прибежище от зноя, не спадавшего даже ночью. На следующий день с зарей снова принялись мы месить гравий и мелкий щебень пустыни, и только поздно вечером достигли Маана, места скрещения нескольких дорог, прорезающих пустыню. Прибыв сюда, я вздохнул с облегчением: последний переход в 130 км показался мне самой утомительной частью пути после Суэца.

Мы заночевали, как всегда, у въезда в этот городишко. Только когда рассвело, вступили мы в Маан. Впредь до отправления в глубь Аравии с каким-либо из караванов, я решил остановиться на одном из больших постоянных дворов. В то время, как я в сопровождении начальника каравана, оставив во дворе Любимицу, входил в помещение гостиницы, тут же во дворе мы заметили какого-то грека, мывшего лицо и руки из стоявшего тут же чана с водой.

— Посмотри-ка на этого бесстыжего неверного, — обратился ко мне мой спутник, указывая на заезжего европейца. — Он моется в собственной грязи!

— И не говори: и эти самые европейцы имеют смелость обвинять нас, бедуинов, в нечистоплотности! — ответил я с невозмутимым видом.

В ответ бедуин сочувственно выругался.

Раздобыв для «Любимицы» зеленого корма, я поспешил в помещение гостиницы и с ног до головы вымылся здесь. Потом отправился на базар, и, разменяв на местные деньги английские фунты стерлингов и египетское серебро, сделал все необходимые для дальнейшего пути закупки. Обычные запасы муки, риса, масла, молотого кофе и сахара были пополнены еще сушеными финиками и фигами, а также стопкой тонких, как листы бумаги, пшеничных и маисовых лепешек. Все эти припасы не вместились в сумки у седла, и у заднего колышка пришлось еще укрепить особый мешок, весивший более пуда. Запершись в своем помещении и предварительно завесив своей длинной рубашкой полную щелей грубо сколоченную дверь, я разложил деньги по четырем кошелькам, рассовав их по сумкам у седла. После скромного ужина в Суэце я не брал в рот мяса и теперь постарался вознаградить себя в течение двух дней, проведенных в Маане, и козлятина во всех видах, — вареная, тушеная, жареная и подрумяненная на древесных углях — не сходила с моего стола.

Густой предутренний туман окутал все вокруг, когда я, на третий день пребывания в Маане, не торопясь направлялся к месту стоянки каравана, который уже выступал в поход. Выючные верблюды тяжело сгибались под тяжестью туго набитых мешков с различными продуктами Сирии, пшеницей, маисом и гроздьями винограда.

В противоположность, как мне казалось, более рослым и коренастым бедуинам Тейаха, в компании с которыми я пересек пустыню Тих, люди, восседавшие здесь на верблюдах, статные и сухопарые, были по большей части среднего роста, отличались какой-то чрезмерной нежностью телосложения, лица их были узки и сухощавы, темные, почти мин-

далевидые глаза сверкали под густыми бровями. Лоб у них был довольно высок, орлиный нос — резко обрисован, губы — узки и тонки. Ноги отличались изящностью, несмотря на то, что сплошь были покрыты мозолями и трещинами. Зубы почти у всех без исключения сверкали ослепительной белизной; по обеим сторонам лица, вдоль щек, до самых плеч спускалось по тщательно заплетенной косичке волос. В обществе этих людей моя фигура должна была выдаваться резким контрастом.

Едва я успел завязать узлом кончики своей коффиджи, чтобы предохранить щеки от солнечных лучей, как меня нагнал парень, ехавший сзади и, в порыве мальчишества, целясь в меня копьем, закричал:

— Эй ты, братишка, покажи, что у тебя за копна волос на голове!

Вместо ответа я обнажил саблю, и только что задира нацелился скинуть с меня коффиджи концом копья, ударил клинком по древку копья; удар был так удачен, что острие отскочило и покатилося вперед в песок. Если бы мальчишке удалось сорвать с меня коффиджи и обнажить во всем его блеске гладко выбритый череп, меня все присутствовавшие не замедлили бы поднять на смех. Теперь мишенью насмешек стал не я, а он.

Местность имела волнистый характер и подъемы все время чередовались со спусками. На одном повороте тропы мне удалось обозреть весь наш караван во всю его длину. Я насчитал не менее 340 вьючных верблюдов, которые шли под охраной 24 человек, вооруженных ружьями и копьями.

При восходе солнца мой термометр показывал 9 градусов Ц., а около полудня ртутный столбик показывал 44 градуса в тени.

Клонило ко сну от этой ужасной жары; еще более усыпляюще действовали беспрестанные понукания погонщиков и однообразная мелодия пастушеской песни, которую затянули бедуины. Дрема одолевала не только меня: молодой бедуин, ехавший на расстоянии двух верблюдов впереди меня, тоже безуспешно боролся с одолевавшим его сном.

Время от времени он покачивался в седле и вот-вот готов был выпасть из него. Его спасали мои предостерегающие возгласы. Тогда он поместил свою саблю впереди переднего колышка у седла, а сам уперся на нее локтями. Но и так он не проехал долго, и в результате разлегся перпендикулярно к вьюкам, которые были привязаны по бокам у его верблюда, и заснул в такой позе. Долгое время он спал безмятежно. Но вот по левую руку от меня проскользнула бедуинка. Передвигаясь пешком, она все же старалась забежать вперед. Нужно полагать, она ехала с последней группой погонщиков, так как до сих пор я ее не замечал. Она подкралась к верблюду, на котором покачивался спящий, и, ловко подпрыгнув, сдернула с него головной убор, подхватила саблю, лежавшую впереди, и растрепала парню обе его косички. Прodelав все это, она побежала со своей добычей обратно, сопровождаемая раскатистым смехом путников.

Рассвирепевшему арабу с трудом удалось нагнать беглянку и отнять у нее свое достояние.

До заката оставался какой-нибудь час, когда копейщики, следовавшие в хвосте каравана, заехали вперед и вызвали на состязание переднюю группу всадников. Один ряд выстроился против другого. Держась в стороне, я не мог не восхищаться той неподражаемой ловкостью, с какой они владели своими пиками, длиной чуть не по шести метров, метко отражая удары противников.

Своим исконным оружием эти дети пустыни действовали совсем не так, как это принято у наших кавалеристов. Зажатый кулак занимает положение как раз обратное тому, какое принято у нас, рука высоко поднята в воздухе. Древку пики, легкому как перышко, мало-помалу придается вращательное движение, причем мускулы верхней части руки играют здесь главную роль. При помощи таких еле уловимых движений бедуины старались скинуть друг у друга кофиджи. Каким-то прямо непостижимым образом, несмотря на всю резкость движений с той и с другой стороны, никто из состязавшихся не получил сколько-нибудь серьезных ранений, хотя наконечник у этих копий, похожий на

кинжал, очень остер. Турнир продолжался около получаса, после чего бедуины живо нагнали караван, и люди снова заняли свои обычные места.

Вскоре после захода солнца караван достиг расположенного среди пустыни колодца эль-Джофр. Наездники заставили верблюдов стать на колени, а копьеносцы воткнули свое оружие в землю, повернув его вниз острыми железными наконечниками. Быстро набрали верблюжьего помета, разложили костер, сварили рис и принялись за трапезу.

Быстро поглощалось всеми это незатейливое блюдо, обильно поливаемое верблюжьим маслом. Насытившись, сотрапезник торжественно рыгал, утирал рот и бороду длинным кончиком рубашки или одной из косичек и вновь взбирался на своего верблюда. Тепловатая илистая вода кише-ла самыми разнообразными представителями животного царства, но мои спутники пили ее с видимым наслаждением. Что касается меня, то я предпочел ту коричневую настойку, которая еще сохранилась в мехах. Здесь мы отдохнули, проспав целых пять часов.

Восход солнца внес некоторое оживление в безмолвные ряды погонщиков. Шедшие в голове каравана затянули свою боевую песню, а позади я услышал разговор, что не худо было бы устроить сабельный бой.

— Слезай-ка, египтянин, слезай: покажи, каков ты в бою! — крикнул мне один из бедуинов.

— Встречу со мной, — отвечал я, — отложим до завтра а сегодня я посмотрю, как состязаетесь вы.

Вот выстроились два ряда, по восемь человек в каждом. Кривые сабли засверкали в воздухе с такой быстротой и силой, что ежеминутно казалось неизбежным серьезное ранение то одного, то другого из состязавшихся. Один-два тура, и вот уже окончено это воинское упражнение, оружие всунуто в ножны. Люди бросаются на верблюдов и быстро рысью догоняют караван.

Дело было около полудня, когда среди пустыни я приметил черное пятно палатки. Бедуин разбивает ее где попало, лишь бы только можно было вбить кол в землю и уст-

роить какое-нибудь убежище жене и грудному ребенку от палящих лучей солнца и ночной прохлады, да была бы поблизости вода и пастбище. Скоро нас приветствовал резвый лай тощих бедуинских собак, погнавшихся за караваном. Мы начали пересекать обширную равнину, где жизнь кипела, словно в муравейнике. Сотни верблюдов, коз и овец паслись здесь, разыскивая повсюду скудный подножный корм, сохранившийся еще от последних зимних дождей. Молодым верблюдам-сосункам приходилось, видимо, плохо: не видно было их обычных уморительных прыжков, и с жалобным видом толпились они вокруг маток. Но молочные верблюдицы их отгоняли, так как пастухи поставили им деревянные зажимы на вымя: в это засушливое время года приходилось дрожать над каждой каплей молока.

По ту сторону долины виднелся другой ряд шатров. Это были бедуины Руала, которые из года в год кочевали по этой части северо-аравийского плоскогорья. Понемногу затих надоедливый лай, преследовавший нас на значительном протяжении, и собаки убрались восвояси к своим шатрам и стадам.

Около трех часов ехали мы по каменистой пустыне, где все сверкало под палящими лучами солнца, как вдруг авангард наш приостановился. Через несколько минут движение возобновилось, но на этот раз караван пошел быстрой рысью, направляясь к одной из соседних дюн. Похоже было на то, что караван искал прикрытия. За дюной мы остановились и слезли с седел. От одного из людей, шедших во главе каравана, я узнал, что наш предводитель заметил группу подозрительных субъектов, шедших пешком и ведших в поводу своих дромадеров. Можно было предполагать, что это была шайка, возвращавшаяся после разу (набега). Мы могли бы для них стать желанной добычей. Лишь после того, как наш начальник удостоверился, что предполагаемая шайка разбойников исчезла в южном направлении, обогнули мы дюну, за которой стояли, и окольным путем вновь выехали на прежнюю тропу.

В ОАЗИСАХ

Снова забрезжил день, — то был пятый по счету с тех пор, как мы покинули Маан. Еще до захода солнца мы должны были достигнуть Кафа, одного из самых значительных оазисов на севере Аравии. Как ни вымотали мне душу всевозможные лишения, испытанные в пути, жар, пыль, скудная пища, недосыпание по ночам, — все как-то сразу забывалось при радостной мысли о близком конце и этого перехода. Уже со вчерашнего дня зуд в затылке стал сильно донимать меня; сегодня же зуд стал совершенно нестерпимым. Я не мог удержаться и то и дело с ожесточением скреб себе затылок. Ехавший сзади меня наездник, не говоря ни слова, решил мне помочь: он вскарабкался ко мне на седло, уселся позади и принялся за охоту... Потом, как ни в чем не бывало, он ловко соскользнул с моей «Любимицы».

Было уже за полдень, вдали показались горные массивы. Каменистая почва сменилась зыбучими песками. Местами песок сверкал белизной, нестерпимой для глаз. Потянулись солончаки. Тропа спустилась вниз, в широкую равнину, и перед нами открылась заманчивая картина оазиса с его темно-зелеными пальмами. Скорчившись в седле, я смочил руки и ноги тем коричневым месивом, которое ос-

тавалось в мехах для воды, потом натянул свои красные сапоги бедуинского фасона, с выступом впереди на самом верху, а из-за седла извлек парадный плащ из тонкой белой кашемировой шерсти с широкой полосой золотого шитья. Ни одна официальная встреча не могла обойтись без этого плаща. Голову я украсил бело-зеленой коффиджи и окалем, в изобилии украшенным серебряными нитями.

За час до заката солнца мы добрались наконец до оазиса. После тяжелого странствования по пустыне крайне приятно было почувствовать себя в новой обстановке. В зелени садов, тамарисков и пальм, отягощенных тяжелыми гроздьями фиников, прятались дома, похожие на огромные кубы из глины. Маленькие окошки в самом верху были похожи скорее на амбразуры. Вдоль плоских крыш шли балюстрады, самые замысловатые, какие только могла изобрести фантазия строителя. А вверху красовались гордые кроны пальм.

Верблюды, шедшие в голове каравана, были развьючены на открытом месте вне селения, остальные вошли в оазис. Узкий проезд был так забит вьючными животными, что тому отделению, с которым следовал я, пришлось остановиться. Но у меня не было ровно никакого желания печься под жгучими лучами солнца в этой пыли. Я вытащил из своей кожаной сумки рекомендательное письмо, и, размахивая им, стал пробиваться вперед, объявляя во всеуслышание, что везу важное донесение шейху.

Наконец я очутился перед входом в жилище начальника всего оазиса. Передо мной высилась самая незатейливая квадратная башня. Я слез с верблюда, но ноги плохо держали меня: я качался из стороны в сторону, как пьяный, и, наверно, упал бы, если бы не держался за кисти, свисавшие с сумок седла. Я сделал попытку протолкнуться за поводья свою «Любимицу» сквозь узкий и темный проход, но верблюд упирался. Понадобилась помощь одного из обитателей оазиса, который стал подбодрять животное ударами; только тогда, и то с большим трудом, удалось доставить наконец верблюда на двор.

Первому же прислужнику, попавшемуся мне навстречу, я вручил послание, с наказом тотчас же передать его господину; затем хлопнул в ладоши, в ответ на что появился второй прислужник. Он помог мне перетащить седло и выюки в комнату для пребывания гостей (Диван).

«Любимица» вытянула шею во всю ее длину прямо по земле и зажмурила глаза. С жадностью съела она поднесенные ей несколько зеленых листьев. Обстановка помещения, громко именуемого Диваном, показалась мне довольно жалкой. Глаза мои, привыкшие к пылающему солнцу пустыни, вначале с трудом различали обстановку помещения, которое было совершенно лишено окон и освещалось только через маленькую дверь, ведущую на двор. В одном углу находился очаг, на котором лежали небольшие меха, сделанные из козьей шкуры. Подле стояла деревянная ступка с каменным пестиком. В щели грубо сделанных глинобитных стен было воткнуто несколько пальмовых веток. На них я нацепил свои ружье и плащ, а на глиняном полу, выложенном циновками, разостлал свои овечьи шкуры и водрузил на них седло и сумки.

Цирюльник наголо выбрил мне череп, снял щетину и подстриг бороду на манер того, как ее носят египетские бедуины.

— Да будет благословен твой приезд, о шейх! — возгласил он, покончив со своим делом.

— Да благословит тебя Аллах! — отвечал я, всовывая в его мозолистую руку несколько медяков.

В одном из закоулков двора я вылил на себя целый козий мех свежей воды из цистерны, чтобы освежиться и отмыть песок и пыль, крепко забившиеся все поры моей кожи. Вернувшись в Диван, я доел последние оставшиеся у меня финики и, бросившись на овечью шкуру, тотчас же заснул.

Меня разбудил стук в дверь.

— Шейх ожидает тебя в приемной, — объявил прислужник.

— Сейчас иду! — крикнул я в ответ, зажег свечу, облекся снова в свой официальный костюм и опоясался саблей. С собой я захватил заготовленные подарки, а прислужник

взял подмышку мое седло, и мы направились в кахавах — приемное помещение шейха.

Перед входом я снял свои широкие сапоги и, с громким «Салам алекум», босиком переступил через порог.

В комнате, куда я попал, было темно. Откуда-то из угла послышался ответный возглас: «У алекум салам у рамет Аллаха у баракатух». («Да пребудешь и ты в мире, да заслужишь милосердие Аллаха и все его милости»). Едва я ступил несколько шагов вдоль циновки, как плечи мои обвили мускулистые руки; поцелуй — в одну щеку, поцелуй — в другую, и так несколько раз подряд. Как-то особенно резко прозвучал вопрос: «Тзеф инт»? («Как поживаешь?»). Вслед за тем быстрым движением хозяин взял мою ладонь в свою, и повторяя несколько раз — «Тзеф инт?», провел внутрь покоя, где довольно резко пригнул меня к полу, заставляя сесть. Осмотревшись, я увидел, что нахожусь в середине группы мужчин, расположившихся в кружок на корточках. Прислужник подставил седло под мою правую руку в качестве подлокотника. Усевшись, я провел рукой по своему головному убору и пожелал присутствующим доброго вечера. «Бети бетак» («Мой дом — твой дом») ответил, обращаясь ко мне, домохозяин, с прежним оттенком какой-то резкости в голосе.

В небольшом углублении в глиняном полу слабо горели несколько пальмовых поленьев. При мерцающем свете этого костра я разглядел, что у всех присутствующих сабли сняты и лежат перед ними. Я последовал их примеру.

Я вручил подарки моего «отца», карманные часы с арабским циферблатом, купленные мною в Каире, блестящий новенький браунинг среднего калибра; на часах было выгравировано специальное посвящение, а к браунингу приложено 40 зарядов. Почтенный хозяин особенно обрадовался оружию, и оно тотчас же пошло по рукам, я же вынужден был объяснять, как с ним следует обращаться. Потом я вынул пакет с табаком и предложил собеседникам: я опасался, что гости начнут швырять мне на колени свои трубки, чтобы я, как вновь прибывший, набил их своим таба-

ком, — обычай, заметим кстати, — привившийся в пустыне только в самое последнее время.

— Где ставит свои шатры твой род? — спросил один из собеседников помоложе, оборачиваясь ко мне.

— В восточных округах Египта, о младший брат мой, — отвечал я.

— Верно, так пишет мне твой отец, сын Гуссейна, — подтвердил шейх, окидывая меня взглядом. Это напомнило ему о моем рекомендательном письме. Он вытащил из левого рукава послание, развернул его и принялся читать вслух торжественным тоном.

При чтении шейх часто останавливался и разбирал по складам то или иное слово. Наконец, он благополучно добрался до конца. Протяжное, общее «Ала-а-ах!» было ответом на выслушанное письмо. Каждый из присутствовавших приложил руку к своему головному убору и внимательно посмотрел на меня.

— Не слышал я о таком роде! — прервал молчание один из сынов пустыни, обводя взором окружающих.

— О, брат мой, род, к которому я принадлежу, покинул Аравию очень давно, потом он многие годы кочевал по Алжиру и Марокко, перебрался затем на западные окраины северного Египта, а в начале XII ст. от бегства господ нашего Магомета, — да сохранит его Аллах! — мои сородичи перекочевали в восточные округа. Дед же мой Рашид вместе со всем родом разбил шатры между Алеппо и Евфратом, а потом он вернулся обратно в Египет. Сейчас нас насчитывается до 5400 человек, способных носить оружие. Всего же к нашему роду принадлежит больше 29 тыс. человек, включая женщин и детей.

Последние слова я произнес с известным оттенком гордости и с чувством достоинства, как подобало истому арабу, который знает себе цену.

Тем временем подоспел кофе. Хозяин собственноручно налил и протянул мне чашку. Я поблагодарил, прижав правую руку сначала к головному убору, а потом к груди.

— Да не иссякнет никогда в твоём доме кофе, о Абдаллах!

— Да продлит Аллах твою жизнь, о сын Гуссейна! — отвечал гостеприимный хозяин

Снова появился прислужник. В правой руке он держал металлический сосуд с длинным носом и узким горлышком, в левой вместительную лохань, прикрытую крышкой с отверстиями, наподобие сита. Каждому из гостей он лил на руки воду, а затем подавал платок с красными разводами по белому полю, красивый, но, к сожалению, далеко не чистый. Вслед за тем вошли еще четверо прислужников. Двое из них тащили плоские медные блюда величиной чуть не в колесо. Подносы эти изнутри были оцинкованы; целые груды фиников громоздились на них. Финики были очищены от косточек и облиты горячим маслом; они были уложены на мягких хлебных лепешках вперемешку с большими кусками козьего мяса. Гости тотчас же столпились вокруг этих подносов, которые были помещены на низкие глиняные подставки. Широко болтавшиеся рукава правой руки при этом каждый засучил почти до плеча. Я снял свой драгоценный плащ и положил его на циновке у себя за спиной.

Двое прислужников, размахивая пальмовыми ветвями, отгоняли мух, а двое других держали зажженные ветви, которые должны были освещать трапезу.

— Во имя Аллаха! Окажите честь! — с этими словами шейх взял большой кусок мяса, разделил его руками и, в качестве особого знака внимания, протянул довольно лакомый кусочек по направлению ко мне. Возле меня сидел мальчик, едва ли старше 7 лет. Он, по-видимому, был уже принят в круг взрослых, но, блюдя этикет, решался отщипывать мясо лишь по небольшим кусочкам, действуя большим, указательным и средним пальцами правой руки, которыми он ловко запихивал мясо в рот вместе с финиками и хлебом. Шумный разговор прекратился. Слышно было только, как жевали и чавкали голодные челюсти. Вошел запоздавший сотрапезник; возгласил «Салам!» в честь присутствовавших; никто не обратил на него внимания, и он пробился сквозь круг пирующих и жадно принялся за еду. Ни к кому собственно не обращаясь, в минуту передышки

между двумя кусками, мой юный сосед крикнул, повернувшись в глубь комнаты: «Хат ма!» («Поддай воды!»).

Один из прислужников поспешил выполнить приказание. Живо была опорожнена металлическая чаша, и мальчик, совершив омовение, ловко вручил ее обратно с громким: «Эль-хамду лилах». Мы все по порядку, обращаясь к нему, пожелали: «Будь здоров!», на что мальчик каждому в отдельности отвечал: «Да сохранит тебя Аллах в добром здравии!» Насытившись, каждый облизывал пальцы, с которых капал жир, в знак признательности и полного удовлетворения громко икал, а затем вставал с возгласом: «Эль хамду лилах!» Вслед за тем мылись или обтирались кончиком рукава пальцы, и окончивший трапезу направлялся к тому месту, где он сидел ранее. Все пиршество продолжалось немного более 10 минут.

Подбросили дров в огонь, закурили трубки. Теперь я лучше смог разглядеть помещение. Стены, более 4 м высотой, поддерживали потолок, сооруженный из стволов пальм, поперек которых были положены ветви. Где-то на боковой простенке, у самого потолка, сквозь несоразмерно толстую глинобитную стену было проделано несколько маленьких отверстий, скудно пропускавших свет и воздух. В одном углу был устроен низкий очаг, на котором стоял полный кофейный прибор со ступкой и пестиком. Здесь же неподалеку в полу было устроено продолговатое углубление, куда клались горящие ветви.

Мои и без того воспаленные глаза давно уже страдали от едкого дыма. Поэтому я был несказанно рад, когда вновь обнесли кофе всех присутствующих, и я получил право откланяться.

— Ты оказал нам честь своим присутствием, о внук Рашида! — крикнул Абдаллах мне вслед.

— Честь оказана мне, — отвечал я, надев сапоги и придерживая саблю правой рукой. Я перешагнул через неуклюжий порог и направился к своему дивану. За мной шагал прислужник, держа в одной руке зажженную ветвь, а в другой — мое седло.

Я так устал, что бросил и думать о религиозном омо-
влении и вечерней молитве. Свернув вместе плащ и голов-
ной убор и придерживая одной рукой саблю, я растянулся
на овечьих шкурах. Я уже было заснул, как вдруг прислуж-
ник снова постучался в досчатую дверь и на вопрос, в чем
дело, от имени гарема шейха затребовал от меня сорочку,
которая и была ему вручена.

Я проснулся только через час после восхода солнца. Вме-
сте с пылающими лучами солнца в комнату проник гус-
той рой мошек, от которых не было отбоя. С признаками
крайнего любопытства, раскрыв рот от изумления, прислуж-
ник смотрел на то, как я промывал себе глаза раствором
сернокислого цинка. Вслед затем он подал мне заботливо
сложенную сорочку, которая за ночь подверглась тщатель-
ному обследованию со стороны дам гарема. Чтобы не сли-
шком бросаться в глаза своей белоснежной рубашкой, что
могло бы вызвать неодобрительное ко мне отношение, я
снова напялил на себя старую сорочку и направился в про-
тивоположный угол двора, где отдыхала моя «Любими-
ца». Я удостоверился, что по правой стороне ее шеи и по
верхней части правого бедра была проведена кровью поло-
са, примерно в 3 см шириной: это была особая почесь, знак
того, что в честь гостя была сделано жертвоприношение.
Пока я осматривал ступни верблюда и исследовал состоя-
ние его горба, подошел уже прислужник, которому было
поручено отогнать верблюда на пастбище: корм можно бы-
ло найти только в пустыне, в расстоянии трех часов езды,
так как в самом оазисе все было давно уже съедено без
остатка.

Через 4 часа после восхода солнца был подан завтрак.
Еда состояла из бургхуля, особого сорта пшеницы, которая
сначала варится, потом сушится и мелется; все это потом
накладывается на мягкую хлебную лепешку и перед пода-
чей на стол поливается кислым молоком. Трапеза прохо-
дила с такой же торжественностью, что и ужин накануне.
Но при этом присутствовавшим были еще розданы искус-
но выделанные деревянные ложки.

Обув сапоги и надев оружие, я вышел прогуляться в сад.

За садом ухаживали двое слуг. Оба были заняты тем, что черпали огромными кожаными мехами воду из колодца. Мех приводились в действие при помощи каната, переброшенного через блок. Неглубокие канавки огибали со всех сторон колодезное сооружение; перекачиваемая сюда вода стекала затем в особые водоемы, откуда и расходилась по бороздам; получалась целая сеть, охватывавшая весь сад. Благодаря такому устройству, все 220 финиковых пальм в изобилии получали потребную им влагу. В этом роскошном пальмовом саду я пробыл часа два. Едва я, выйдя отсюда, вступил на большой двор, как услышал громкие стоны, доносившиеся сквозь щели в стенах одной из прилегавших ко двору комнат. Мимо пробежала служанка, сообщившая мне, что госпожа ее больна.

— А что с ней?

— Больна животом.

Вернувшись в диван, я вытащил свой Коран, и, держа его в правой руке, а пальмовую ветвь для защиты от мух — в левой, принялся вполголоса произносить священные тексты сур. В такой позе застал меня мой добрый шейх. Войдя в комнату, он остановился в некотором отдалении и стал прислушиваться. Дойдя до конца главы, я отвел глаза от книги и спросил его, как дела.

— Благодарение богу, совсем хорошо. Только вот тут у нас — больная.

— Да спасет ее Аллах! — воскликнул я.

— И Магомет, пророк его, — dokonчил шейх.

— Скажи слово — и я приду на помощь!

Помедлив немного, шейх произнес:

— Помогите мне, о Абдельвахид!

— Потерпи немного: я соберу свои вещи и захвачу нужные лекарства.

Я забежал к себе, снял саблю, захватил врачебные инструменты и аптечку и поспешил вновь к шейху.

— О, Абдалла, вот и я, веди меня к больной!

— А есть ли у тебя средства против болезней, которые гложут человека изнутри?

— О Абдалла, неужели ты думаешь, что каждая болезнь гнездится только в одной части тела и изгоняется только этим, а не другим средством, и уж не полагаешь ли ты, что мне достаточно только вытащить это снадобье из своего запаса и пустить в ход без дальнейших разговоров? Мне необходимо осмотреть больную и точно определить, в чем ее болезнь.

— Да будет по-твоему, о брат мой!

Однако с места мой собеседник не двигался, а только задумчиво смотрел прямо перед собой.

— Что же ты раздумываешь? Или ждешь усиления болезни?

Он вышел из своего оцепенения, и мы пошли. Перед маленькой, дощатой, грубо сколоченной дверью мой спутник снял свои желтые башмаки, а я свои сандалии. Затем шейх быстро распахнул дверь, из которой навстречу нам выступила служанка с сосудом в руках. Приняв от нее сосуд, я последовал за домохозяином в помещение больной. Кругом царил полная темнота, только откуда-то доносились громкие стоны. С помощью карманного фонарика я осветил ложе больной.

— Нет иного спасения, кроме Аллаха, всемилостивого! — произнес я и опустился на ковер, посланный у низкого ложа больной жены шейха.

Осмотр и опрос больной показали мне, что я имею дело с острым желудочным расстройством. Я прописал больной рвотное и вернулся к себе в сад.

Следующее же посещение больной показало мне, что лекарство подействовало благотворно.

Благодаря визитам к больной мне удалось лучше ознакомиться с гаремом шейха. Кроме больной молодой жены шейха, там оказалось еще две женщины, которых я также неоднократно видал. Они ходили босиком и были одеты в рубашки из темно-синей бумазеи, сзади более длинные, чем спереди, и потому волочившиеся как шлейф. Длинные рукава были подвернуты, на голове красовался платок из той же самой материи, отороченной бахромой. При встрече с незнакомыми мужчинами его тотчас же спускали на лицо.

Уже несколько раз какая-то девушка шмыгала мимо меня, не закрывая своего лица. Лишь только я уселся на глинобитную скамейку и погрузился в чтение Корана, как она появилась вновь и молча остановилась вблизи.

— Что тебе нужно, девушка? — спросил я.

— Хочу послушать, что ты читаешь.

— Как звать тебя?

— Зовут меня Таухида, я — дочь Ибрагима.

— Какого Ибрагима?

— Он — шейх в соседнем оазисе, что на юго-запад отсюда. Больная, которую ты лечишь, моя сестра.

— А сколько тебе лет?

— Лет 17.

Я выразил удивление, что красивая девушка, дочь вождя племени, в таких летах и все еще не замужем, но подошедший слуга помешал дальнейшим расспросам.

Часа два спустя, вновь проходя по внутреннему двору, я заметил Таухиду; вместе с другой девушкой они примостились у стены в гени и усердно занимались мытьем волос.

— Чем моете вы свои волосы, девушки?

— Это моча верблюда, о Абдельвахид, — отвечала Таухида.

— Что за гадость!

— Что ты, Абдельвахид? А чем же, как не мочой верблюдов, мыть волосы? она и приятна на ощупь, и целебна, и не требует совсем мыла, — бойко ответила Таухида. — Вот только Шаидджа куда-то запропастилась со своим гребнем...

Так как счастливая обладательница гребешка заставляла себя долго ждать, то я отправился в диван, чтобы достать свой. Моя красавица принялась вертеть его со всех сторон, изумляясь той тонкости, с которой он был сработан; судя по ее собственным словам, гребешок ее подруги был просто деревянной дощечкой с широкими вырезами.

Когда Шаидджа наконец подросла, обе девушки уже вымыли себе волосы, расчесали их тщательно моим гребнем и принялись заплетать в грациозные косички, спускавшиеся до самых плеч. Мне удалось потом подсчитать, что у

одной из девушек, в результате операции, прическа составила из 40 подобных косичек, черных как вороново крыло.

Я решил отправиться с визитами и толкнулся в первую попавшуюся дверь. Меня встретил прислужник и провел в комнату для приема гостей. Скоро вошел и домохозяин, придерживая саблю. Я уже видал его накануне у шейха Абдаллы. Оказалось, что это Файсал, его брат. Он был в высшей степени польщен моим посещением и тотчас же принялся за варку кофе.

Вся эта процедура заняла ровным счетом три четверти часа времени. Прислужник притащил поднос, и Файсал выставил на него несколько чашек; в носок третьего небольшого кофейника для процеживания жидкости воткнул затычку из только что сорванной пальмовой коры, с крайней осторожностью наполнил до половины первую чашечку и с большой важностью преподнес ее мне. Адски горячая чашечка была без ручки и стояла на глубоком медном блюде. За первой чашкой немедленно последовала вторая. Согласно этикету, больше не подобало пить, и я вернул чашку на поднос, который держал передо мной прислужник. Когда я собирался уже откланяться, с женской половины явился еще новый прислужник. В руках у него была дощечка с каким-то шоколадообразным месивом и двумя горшками. Я попробовал этого пирожного и осведомился, из чего оно приготовлено. В ответ на это мне показали растение со светло-желтыми цветами, похожее на крапиву с мелкими листочками. У этого растения были чечевицеобразные плоды, содержащие коричневато-красные семена. Домохозяин рассказал мне, что эти стручки собираются, размалываются между двумя камнями, кипятятся в воде и смешиваются с сахаром и маслом. В таком виде их уже можно есть.

С гордой улыбкой мой собеседник выслушал похвалы этому хлебу пустыни, взял затем ложку, обмакнул ее в сосуд и зачерпнул «дибса», сиропа, приготовляемого из изюма, а затем без церемонии сунул мне ложку прямо в рот. Затем ту же самую ложку он опустил в другой сосуд и таким же манером впахнул мне в рот новый деликатес.

— Ну, а уж что это такое, ты ни за что не угадаешь!

Оказалось, что эта сласть была приготовлена из мелких красных ягод одного растения, которое растет в пустыне и тогда не было еще мне известно.

После Файсала я посетил ряд других, менее презентабельных домишек. Имущество большинства их обитателей сводилось к очагу с мехами. Они спали на голом полу; не у каждого был плащ для защиты от ночного холода. Скудное пропитание для всего этого люда давали финиковые пальмы, из которых плодоносящих было едва ли многим больше 550.

Когда я на обратном пути вновь проходил мимо дома Файсала, последний вызвался показать мне местность. Я предложил ему взобраться на гору, видневшуюся неподалеку. Мы вскарабкались на этот куполообразный, очень правильный по своим очертаниям холм, занимавший северо-западный угол оазиса. Холм этот состоял из темной вулканической породы, размельченной и наполовину превратившейся в песок. Извилистая тропа вела на эту, немногим лишь превосходящую 100 м возвышенность. Верхняя часть холма была увенчана развалинами башен и крепостных стен, оставшихся от возвышавшегося здесь когда-то укрепления. Около развалин главных ворот, ведущих в крепость, видны были остатки бойниц и других построек, окружавших пришедшую в упадок цистерну. Файсал обратил мое внимание на развалины мечети. Мы вошли внутрь. Выбрав для наблюдения большую полукруглую нишу, я установил, что ориентация на Мекку не была соблюдена. Это навело меня на мысль, что я имею дело с развалинами христианской церкви. Но даже самые престарелые из обитателей оазиса не могли мне сказать по этому поводу ничего путного. Вслед за тем мы посетили еще кладбище, расположенное на другом холме. У изголовья и в ногах каждой могилы стояло по красному камню высотой от 40 до 70 см; многие могилы были устланы пальмовыми ветвями. В одном месте можно было видеть клочья волос, лоскутья женского платья и остатки отгрызенной от трупа руки, что, очевидно, нужно было отнести за счет шлявшихся здесь гиен.

Следы гиен, явственно видневшиеся у могил, навели меня на мысль отправиться на охоту. И вот, не долго думая, сразу после ужина я выступил в поход, забрав с собой прислужника, утверждавшего, что ему известны пещеры, пристанища гиен. После получаса ходьбы, малый указал мне на темное пятно среди скал. Хотя я и ничего не мог разобратъ, но догадался, что там должна быть расщелина. Примерно в 40 шагах от нее мы соорудили из камней небольшую загородку и легли за ней в засаду.

Прошел час, два, а мы все еще торчали за своим прикрытием, храня полное молчание. Но вот у расщелины послышался какой-то шорох. Я навел бинокль и увидел два сверкающих глаза. Зверь опасливо оглядывался по сторонам. Но нас он не мог зачуять, так как сильный ветер дул нам прямо в лицо. Я спустил курок, и зверь кувырнулся. Мы подскочили к нему и, так как он подавал еще признаки жизни, то я выпустил еще один заряд. Мой прислужник поволок тушу за уши, и мы отправились восвояси. Вернулись домой мы около полуночи. Но спать пришлось недолго. Еще до восхода солнца поднялся стук в дверь: то были все те же обитатели Кафа, спешившие наперебой осмотреть мое оружие. Волей-неволей пришлось вытаскивать ружье и револьвер, идти на двор и там, при скудном свете зари, несмотря на утреннюю изморозь, учить обращению с диковинным оружием. У моих посетителей были самые разнообразные нужды. Один клянчил у меня горсточку пороха, другой интересовался, нет ли у меня приспособления для отливки пуль, третий просил табака.

Что бы как-нибудь положить конец всем этим назойливым приставаниям, я заявил, что еще не молился. Вслед за тем опоясался саблей, закрыл на щеколду двери своего Дивана и отправился в мечеть для совершения омовения и произнесения первой утренней молитвы, полагающейся на заре.

По возвращении я выпил кофе и направился в сад, надеясь там найти спасение от докучливых посетителей. Когда я затем вновь появился у входа в свой Диван, из внут-

ренного двора вышла Таухида и после обычного приветствия сразу перешла к делу:

— Женись на мне, о Абдельвахид!

Я был ошеломлен той непосредственностью, с какой было выражено это желание.

— Нет, о Таухида! Хорошо звучит речь твоя, но я должен ограничиться той семьей, которая у меня в Египте.

— Неужели у тебя не хватит средств на горсточку риса и несколько фиников да на покупку новой рубашки, когда износится эта?

— Конечно, на это средств достанет, о Таухида. Но у меня много хозяйственных забот...

— Так разве я не буду доить твоих верблюдиц, не стану ухаживать за стадами коз и овец?

— Это дело служанок.

— Но в этом я понимаю больше их. Ведь женщины ваши, там в Египте, не умеют ездить верхом, а я буду день и ночь в седле — круглые сутки, не хуже мужчины.

— Но я-то сам мало езжу, и верховой верблюдов у меня всего один.

— Стоит ли об этом говорить, о Абдельвахид? Я буду ездить, сидя у тебя за спиной, стану готовить все кушанья, какие ты пожелаешь.

— Но ведь ты станешь тосковать по своей родимой пустыне, по своим близким..

— Не считай меня ребенком, о Абдельвахид! О чем тут можно толковать, раз я стану твоей женой? Пусть даже я и буду вспоминать о своих родителях и сородичах, все же ни одно слово жалобы не сорвется с моих уст!

— Ну и славная женка у меня будет: волосы она станет мыть и душить верблюжьей мочой!

— Клянусь твоей бородой: я не стану больше этого делать.

Меня изумила та смелость и легкость, с какими она отражала все мои доводы. Мне было жаль огорчать ее отказом.

— Отчего ты до сих пор не вышла замуж?

— Я не могла себе найти никого по душе, но тебя, о Абдельвахид, я люблю.

Поздно вечером прибыл караван из Дамаска и остановился у оазиса. Я знал, что этот караван идет на Гиоф, и у меня возникло намерение к нему присоединиться.

Утром я собрал свои вещи, нагрузил «Любимицу» и вывел ее за ограду. Головная часть каравана уже выступила. Из дома вышел сам шейх. Через руку у него было перекинуто парадное одеяние, которое он преподнес мне.

— Да продлит Аллах твою жизнь и да сохранит в здравии твоего отца! — сказал он и с этими словами вручил мне обратно мое рекомендательное письмо.

По обе стороны шейха ехали его сородичи, мужчины-обитатели оазиса, кто верхом на осле, кто пешком: это был мой почетный эскорт. Час целый мы ехали, и я все время должен был целоваться с провожавшими меня.

Солонец слегка шуршал под ступнями верблюдов. Соль в больших количествах извлекается здесь из расселин в долинах: отсюда ее перевозят на место назначения и там сушат. Эксплуатация этих залежей находится в руках повелителя оазиса, который выменивает соль на зерно.

Пройдя бесплодную, лишенную растительности солончаковую пустыню, мы вступили в «Вади Сирхан» — «Львиную Долину». Каменистый грунт, по которому мы теперь ехали, был усыпан темными блестящими обломками скал. Белые известковые скалы замыкали долину, а между ними открывался далекий вид на безбрежную, волнообразно всхолмленную низменность, оживленную плоскими куполами круто обрывающихся книзу скал.

Всего в каких-нибудь трех часах езды от солончака нам встретилась богатая растительность и необычно высокий кустарник: мы добрались до первого колодца. Я не решался пить теплую воду, кишевшую мириадами живых тварей, но другие мои спутники по каравану пили ее на ходу с большим удовольствием. Я же был счастлив и тем, что обмыл свои совершенно зацелованные щеки. Воздух был насыщен благовонием, исходящим из растений тимьяна

(фимиама). Многие разновидности его покрывали в больших количествах окрестные скалы.

Незадолго до восхода солнца вдали показалось небольшое облако пыли. Скоро можно было различить всадников, мчавшихся во весь опор. После краткого обмена приветствиями они осведомились, далеко ли до Кафы.

Начальнику каравана эти люди, видимо, показались подозрительными. Хотя у нас насчитывалось 16 верховых, вооруженных ничуть не хуже, но им приходилось охранять почти 80 верблюдов, груженных ценными товарами. Поэтому благоразумие предписывало держаться возможно дальше от таких нежелательных встречных. И мы ехали еще три часа после заката солнца, непрерывно понукая животных.

Твердо убитый грунт и высокий кустарник были предвестниками значительного источника. Располагаясь на bivуак, мы сгрудили животных возможно ближе друг к другу. После ужина предводитель велел выставить караульных. Я вместе с 20-летним погонщиком, который ехал в караване впереди меня, вызвался быть в первом дозоре, на что и получил согласие.

Каждый из нас описывал свой полукруг, охраняя лагерь от нападения предполагаемых бандитов. Вернись они назад и пояись здесь, нам едва ли бы удалось вырваться из их рук! Становилось жутко при одной этой мысли.

Но за ночь ничего особенного так и не случилось: слышны были только отвратительный вой шакалов и омерзительный хохот гиен.

На следующий день мы тронулись в путь почти на восходе солнца. От пронзительного восточного ветра у меня не попадал зуб на зуб. Бедуин, ехавший впереди меня, подстрелил зайца, и мы на ходу освежевали животное. Несмотря на мои протесты, зайца опустили в котел с рисом и съели в вареном виде.

В утро седьмого дня пути мы проехали всего каких-нибудь 5 часов, как заметили, что до тех пор широкая, на 6 часов езды, «Львиная Долина» постепенно сузилась, и тропа стала виться по узкой теснине, образованной своеобразными формациями из песчаника. Все выше и выше громоз-

дились скалы, достигая иногда высоты 600 м, но вот, наконец, они остались позади, и открылся чудесный вид на многочисленные холмы, вздымавшиеся там и сям среди волнообразной равнины. Дорога пошла под гору. Мы спускались все ниже и ниже, пробираясь между волнистыми возвышенностями этой каменистой пустыни. Внизу нашим взорам представилась темно-зеленая пальмовая роща оазиса Гиоф, а на востоке простиралась Нефуд, безводная пустыня, сплошь состоящая из сыпучих песков. Люди, сопровождавшие караван, в знак радости принялись совершать торжественное омовение, тратя на это последнюю воду, оставшуюся еще у них в мехах.

В ГИОФЕ

Передние верблюды уже разгружались перед внушительной глинобитной стеной, которая опоясывала Каср — замок наместника эмира, имеющего здесь местопребывание. В то время, как арьергард, перейдя напоследок в уютную для животных рысь, только еще подъезжал к оазису, я, отделившись от прочих, доехал до самых ворот в замок, заставил верблюда лечь наземь, слез с седла и вручил «отцовское» послание воину, торчавшему у самых дверей.

Спустя полчаса, в воротах, наконец, завозился сторож. Он глянул в окошечко, сплошь забранное мелкой решеткой, и принялся открывать массивные ворота. Ворота открывались, по-видимому, далеко не часто, так как для обычных посетителей имелаась лазейка примерно в 60 см вышины, на высоте 50 см от земли. Мы прошли мимо помещения для стражи, в котором находилось около 20 человек солдат. «Любимица» двигалась по непривычной дороге с такой же боязливостью, как и в Кафе, и лишь с большими усилиями, при помощи солдат, удалось пинками подогнать ее дальше. Несколько в стороне, на грубом лафете с неуклюжими сплошными деревянными колесами, торчала чугунная пу-

шка, назначением которой было наводить ужас на робкие сердца.

Солдаты помогли мне развянуть вещи и перетаскивали их с комнату для гостей. Чистые рубашки, красные кофиджи и белые окули выгодно отличали этих воинов от обычной бедуинской братии. Прислужник, несший мое седло, возгласил:

— Великий шейх просит вас войти.

В полутемной комнате, куда меня провели, я произнес обычный салам, на который прозвучал торжественный ответ из отдаленного угла. Не успел я ориентироваться, как меня охватили чьи-то сильные руки; лица моего коснулась борода, надушенная мускусом, и вслед за тем я почувствовал, что меня целуют в щеки, в промежутках осведомляясь о моем здоровье.

Передо мной находился сам наместник — повелитель оазиса, правая рука разбойничьего царька, засевшего в Хиале.

Положив перед собой саблю, я вынул из рукава рубашки карманные часы и подал шейху. Тот открыл их и вслух прочел надпись, выгравированную на крышке:

«Часы того, кто повелевает в Гиофе и кем гордится господин его — эмир Хиальский. Да продлит Аллах дни его жизни»!

Шейх, видимо, очень довольный, рассматривал красивые серебряные часы, вертя их в руках.

Я вынул из за пояса браунинг и положил его у ног шейха.

— Покажи, как из него стрелять, о брат мой!

Я исполнил его желание и, вытащив из-за пояса ящичек с 50 патронами, также подал домохозяину. Лицо его расплылось в широкую улыбку.

Пока присутствовавшие в зале рассматривали часы и револьвер, прислужник поднес ко мне квадратный деревянный ящичек, обитый листовой латуной. В нем курились благовония. Я вытянул вперед голову, расправил бороду и раздвинул кофиджи, раскрыв лицо. Потом наступил черед моего соседа справа. Он, видимо, понимал больше толка в этом деле, а потому снял рубашку и подушил

себе также подмышками. То же проделали и остальные. Забавно было смотреть на всю эту процедуру. Вслед за тем был подан чай, горячий, но очень жидкий; к тому же он был донельзя подслащен и одобрен лимонным соком и какими-то пряностями. Во время чаепития меня попросили рассказать о моем путешествии. Я принужден был в точности изложить весь свой маршрут, не упуская ни одного встречавшегося на пути колодца. Не забыт был и вопрос о моем происхождении.

Разнесенный вслед за тем кофе, как мне показалось, отдавал мускусом: бедуин обиделся бы, если бы ему предложили чистый кофе, не приправленный амброй, мускусом, гвоздикой или какими-либо иными пряностями. Немного спустя четверо прислужников приволокли два медных блюда, в поперечнике каждое свыше метра, и поместили их на особой каменной подставке. На размягчившихся от подливки хлебных лепешках в виде двух огромных конусов был навален рис, среди которого виднелись крупные куски жирной баранины. Все в изобилии было полито свежим маслом.

Наместник вытащил из риса самый жирный кусок и предложил его мне. Гостям доставляло, видимо, особое удовольствие скатывать на блюде правой рукой рис в небольшие комочки и в таком виде отправлять его в рот, причем масло хлюпало у них между пальцев.

После еды снова принялись за приготовление кофе. Мне показалось, что гостям доставляло больше удовольствия следить за всеми манипуляциями, чем пить сам кофе. Все набили трубки и зажгли их о тлеющий уголек, который обновил вокруг прислужник на покрытой золотом глиняной тарелке. Страшно горячо и неловко было держать миниатюрную, с каким-то только намеком на чубук, глиняную трубку. Но я решил строго держаться всех обычаев, которые установились среди этих детей пустыни.

Обсуждался план предполагавшегося разбойничьего набега (разу) на соседнее враждебное племя.

— У нас будет всего-навсего 3000 всадников! — заявил один из пожилых собеседников, сразу приступая к делу.

— Ты можешь прибавить еще 300, — возразил другой.

— Но ведь у нас будет всего только 80 лошадей.

— Не знаю, сколько пришлет эмир.

От дыма и спертого воздуха у меня стала кружиться голова.

— Бечатрак! (С твоего позволения, я удаляюсь), — сказал я домохозяину, на что получил ответ:

— У ас-салама! (Иди с миром!)

Мне почему-то не спалось, и я перетащил свою постель на плоскую террасу крыши. Наутро мой глубокий сон был прерван призывным криком муэдзина. Слова молитвенного призыва не успели еще растаять в воздухе, как я уже был на ногах и, захватив плащ и саблю, спустился вниз, в комнату для гостей, откуда вышел на воздух. Побрившись у местного цирюльника и позавтракав великолепными финиками, я пошел бродить по оазису.

Селение, раскинувшееся вокруг замка наместника, составляло лишь часть оазиса, известного под наименованием эль-Гиоф; в нем жило около половины всего числа населения оазиса. Около трети всей площади было занято домами и садами, остальное приходилось на долю бесплодных песков.

Жители, сплошь оседлые бедуины, жили продуктами своих стад и садов. Насаждения, наглухо обнесенные высокими глиняными стенами и потому почти не видные снаружи, состояли из пальм, персиков, абрикосов, смоковниц, виноградной лозы и гранатовых деревьев. В небольших размерах возделывались также овощи и злаки. При кадастре было насчитано по крайней мере 68,000 финиковых пальм, приносящих урожай. За каждое такое дерево, за верблюда, за 5 овец ежегодно взималось по 5 пиастров, т. е. 45 к. золотом. Лошадей имел право держать один наместник, и единственной лошадью в оазисе был принадлежавший ему жеребец.

Когда я проходил мимо цирюльни, меня окликнули и пригласили войти. Перебравшись через корявый порог, и очутился в крошечной каморке. Цирюльник указал мне на своего пациента, у которого был крайне изможденный вид. На правой руке выше локтя у него была огромная гнойная

опухоль, вызванная так наз. стригунцом. Я заставил знахаря рассказать, как он лечит эту болезнь. Лишь только головка этого ленточного глиста прободет кожу, его начинают медленно наматывать на палочку, которую тут же привязывают. Палочку ежедневно осторожно поворачивают на незначительный угол, пока, наконец, после нескольких мучительных недель, глист не выйдет весь вон, будучи обернут вокруг деревяшки; если же червя разорвать, то получатся злокачественные опухоли. Полагают, что этот глист поселяется в теле человека вследствие плохой питьевой воды. Он прободает мускулы и пробивает себе дорогу сквозь кожу, пока наконец не достигает длины до 90 см и не выйдет вон.

Я предложил больному свои услуги по извлечению глиста и удалению опухоли. Тот сначала с радостью согласился, но, увидев мой хирургический нож, испугался и отказался от операции. Я не стал настаивать.

В замке, вечером, после ужина, за кофе, продолжались все те же нескончаемые разговоры о набеге.

— Идешь ли ты с нами в разу или нет, о Абдельвахид?

— О брат мой, располагай мной по своему усмотрению! — отвечал я, решив действовать без всякой оглядки, но в то же время с трудом преодолевал охватившее меня волнение.

— Твой дромадер, — славное животное!

— Он — плоть от плоти лучших бегунов Шерарата, — ответил я.

— Это видно с первого взгляда.

— Когда же мы выступим в поход? — обратился я с вопросом к наместнику.

— Про то ведает лишь Аллах.

На следующий день, придя во двор, я застал там большое оживление. Седлали верблюдов, увязывали мехи для воды, тут же испытывая, не текут ли они. Мужчины приводили в порядок оружие. В другом углу отмеривали зерно, муку, рис, финики и ссыпали их в мешки; прочий провиант распределяли по седельным сумкам.

После обеда обменивались мнениями о предстоящей добыче. Рассчитывали захватить не менее 5000 верблюдов, помимо значительных стад коз и овец.

Суетня на дворе не прекращалась. Сотням коз и овец саблями перерезали горло. Снаружи толпились прислужники участников набега, которые получили свою долю мяса еще до завтрака. От бедуинов других племен, прибывших в оазис 5 дней тому назад, я узнал, что они находятся в боевой готовности уже трое суток, но руководители набега не соглашались включить их в число участников, не желая привлекать людей со стороны.

Была еще глубокая ночь, когда я проснулся, пробужденный сильным шумом. Наскоро сполоснув лицо холодной водой, я подбежал к выходящему на двор краю крыши. Внизу уже все пришло в движение. Надев наскоро сапоги, я зажег свечу, захватил бараньи шкуры и спустился в свой Диван. По всем закоулкам шныряли прислужники, шейхи выкрикивали свои приказания, и все это казалось при мерцающем свете горящих пальмовых ветвей какой-то фантастикой. Застегнув пояс, к которому было прикреплено оружие, я накинул плащ, захватил саблю и ружье, сунул в руки проходившему мимо прислужнику седло и спустился вниз.

Я избегал весь двор в тщетных поисках своей «Любимицы». Снаружи, за оградой, рядами лежали верблюды, вполне снаряженные для похода. Прислужник, с седлом в одной руке и с зажженным факелом — в другой, бегал следом за мной по рядам, освещая животных. Каждую минуту караван мог тронуться.

Тщетно я зывал, не видал ли кто серого верблюда с голубым ошейником. Никто не откликнулся. Я уже добрался до самой головы каравана в сопровождении прислужника, громко негодовавшего на людей, уведших чужого верблюда. Все было напрасно: «Любимица» как в воду канула. Наконец, после часа напряженных поисков, я заметил мою малютку, уже оседланную каким-то бедуином.

Схватив поводья, я дал такого тумака дерзкому похитителю, что тот шлепнулся на песок. Сбросив чужое седло, я

взял свое, укрепил его на горбе верблюда и привязал седельную сумку. Прислужник притащил мне еще небольшой мех с водой, который я тоже прикрутил к седлу. Кругом стоял гвалт, — там ссорились из-за уздечки, тут из-за меха с водой.

Утренняя заря уже занялась, когда мы выступили в поход. Я попытался продвинуться к самой голове каравана, но это оказалось делом нелегким.

По всему было видно, что только жажда наживы и любовь к разбою руководили моими новыми сотоварищами. Впрочем, таков уже был уклад их жизни: вождь племени лишь путем набегов и грабежей может увеличивать благосостояние своего рода и способствовать приумножению стада: откажись он от этой практики — и он вызвал бы ропот и возмущение среди всех своих сородичей.

Под жгучим солнцем ехали мы по гористой местности, то поднимаясь вверх, то спускаясь вниз. Мое внимание привлекли впадины, полукруглые, с довольно отвесными стенками, глубиной метров до 50. Эти впадины были обязаны своим возникновением особенно сильным ураганам. Там и сям по склонам виднелся деревянистый кустарник.

Вечные спуски и подъемы и необходимость объезжать впадины сильно затрудняли ориентировку в пустыне, и приходилось удивляться уменью и чутью арабов в этом отношении.

Но вот солнце стало садиться. Вся необъятная песчаная равнина окрасилась в кроваво-красный цвет, а на дюны и верхушки гор легли розовые отблески. Радостный гул пронесся по рядам: «Близок колодец Шакик!» Еще в оазисе мне говорили, что несколько лет тому назад эмир велел забросать песком и камнями этот колодец, единственный в Нефуд, чтобы избавиться от разбойничьих племен Руа-лаха и Сукура, и восстановлен этот водоем был втихомолку очень недавно. Уже в темноте стали мы спускаться вниз по крутому уклону. Вскоре послышались голоса и шум, а плотно утоптаный песок и большое количество верблюжьего навоза указывали на близость лагеря. Мы подходили к расположившемуся на ночлег каравану. Именно здесь, как

и предполагалось, мы должны были соединиться с главной массой войск, которые, под предводительством самого разбойничьего царька, выступили на разгу. Впервые после отъезда из Египта я услышал отдаленное ржание лошадей. После я узнал, что это все были кобылы, предпочитаемые в набегах и походах жеребцам, которые громче ржут. У каждой под брюхом было привязано по небольшому бурдюку: вода тут оставалась более прохладной, чем в больших мехах у седла верблюда, не защищенных от солнца. Вернувшись вновь к своей «Любимице,» я увидел, как доили верблюдиц. Мне захотелось парного молока, и я пробрался ближе в надежде заполучить хоть немного живительной влаги. Но бедуины первым делом поднесли молока лошадям, и, когда те напились, они сами припали к склизкому кожаному мешку. Когда, по моему расчету, мой сосед напился уже достаточно, я вырвал у него бурдюк и влил себе в горло остатки жидкости; она показалась мне в достаточной мере противной.

Лошадей арабы ведут за собой в набег, несмотря на то, что с ними много возни: хорошая арабская лошадь опережает верблюда на дистанцию приблизительно в 100 км, но потом сдает и остается позади.

У колодца столпились сотни мучимых жаждой верблюдов. Под ритмическое пение, при помощи кожаных черпаков, люди выбирали воду из колодца и выливали ее тут же в особое углубление, откуда могли пить 50 верблюдов зараз.

Было совершенно темно, когда я вернулся к своей «Любимице». Чтобы поддержать ее силы в предстоящих испытаниях, я разостлал свой плащ (суфру) и дал ей несколько горстей муки и фиников, а потом вернулся к своим спутникам. Они сидели у костра, покуривая трубки, в ожидании кофе и риса. За пригоршню табака молодой араб взял мои оба меха, наполнил их водой и притащил обратно. Мне хотелось спать, но этому мешало грозное рычание леопардов и страх перед ядовитыми рогатыми кобрами, которые водились здесь в изобилии.

Толчок в бок разбудил меня, как всегда, еще при полной темноте. Вблизи еще раздавалось монотонное пение людей, достававших воду. Я поднялся, дрожа от холода, привязал мехи и сумку, оседлал верблюда и, закутавшись в плащ, поскакал к головной части каравана. Подъехав ближе, я заметил кругом массу незнакомых лиц. Несколько всадников, вооруженных копьями, окружили меня.

— Кто ты такой?

— Я Абдельвахид, гость шейха, что в Гиофе, и мой род не враждебен племени Шамари.

— Что за Абдельвахид, уж не вражеский ли это шпион? — крикнул кто-то

— Думай, что говоришь! Или ты не слышишь по произношению, что я чужеземец? Мой отец — шейх Тахайев из рода Хенади, кочующего в Египте. И знать я не знаю наших врагов!

— Знаем мы этих египтян! — раздалось снова из темноты.

Я воздержался от ответа и продолжал ехать дальше. Когда наконец забрезжил дневной свет, я спросил, где же люди из оазиса Гиоф.

— Там дальше, — был ответ.

Кто-то из бедуинов показал мне концом копья за дюны и тогда только заметил я наше красно-зеленое знамя.

Теперь мы определенно держали путь на восток. Было тихо, только монотонные крики всадников — «Хаик! Хаик!» нарушали эту тишину. Прикрывшись ладонью от солнца, осматривали арабы пустыню, отыскивая, не едет ли где «глаз». Так называются здесь лазутчики: они должны принести точные сведения о расположении неприятельского лагеря. Однако кругом не видно было ни души. Тщетно я пытался обозреть наш караван на всем его протяжении. Подобно огромной лавине, безостановочно катилась вся эта масса по раскаленным пескам. Уже не извилистой лентой, а кто как попало, храня полное безмолвие, продвигались эти вереницы грабителей. На некоторых верблюдах сидели по два бедуина с оседланными лошадьми в поводу. Ритмично колыхались пучки белых страусовых перьев, собран-

ных венчиками под блестящими, кинжаловидными остриями копий. Эти величавые разбойники важно восседали на своих благородных бегунах. Цвет их кожи напоминал темную бронзу, а косматые волосы выбивались повсюду из-под краев кофиджи. Многие приподняли свои покрывала, так что были видны косички спереди. Я резко выделялся среди всей этой компании более светлым цветом кожи, бритым черепом и ногами: все обличало во мне городского жителя.

Огромная ящерица, взбежавшая на край утеса, была немедленно подхвачена копьём одного из бедуинов и вмиг очутилась в его сумке. Я почти гордился тем, что снова, несмотря на все мучения, мне удалось перетерпеть жажду до полудня, тогда как всякий новичок в пустыне каждые полтора часа нуждается в воде. Однако, полное изнеможение от адской жары все больше расслабляло меня; мне трудно было шевельнуть пальцем, и я едва держался в седле. День казался бесконечным. Уже потухли кроваво-красные тона окружающего ландшафта, уже надвинулась темнота, а никаких приготовлений к ночлегу не делалось. Но вот, достигнув ложбины, вожак колонны дал знак остановиться. С лихорадочной поспешностью вытащили кожаные черпаки, налили в них воды из мехов, напоили лошадей и задали им корма, а моя «Любимица» получила порцию муки и фиников. Я же, прикорнув у ее огромного туловища, заснул, как убитый.

Какой-то сострадательный человек пинком ноги соизволил разбудить меня, давая тем знать, что пора ужинать. Наскоро постарался я запихать в себя возможно больше риса с тем, чтобы, не теряя времени, снова завалиться спать. На мою долю выпало около 4-х часов глубокого сна, тогда как отдых моих спутников ограничился всего лишь тремя часами.

«Гехайна разбили свой лагерь в двух днях езды отсюда», — услышал я на следующее утро. Узнав, что враг так близко, все пришли в радостное возбуждение. Бедных животных неустанно погоняли окриками и ударами. Утомление мое все возрастало. Я уже не мог бороться с жаждой и,

еще не дождавшись полудня, развязал свои мехи. К счастью, я вспомнил о кусочке гуммиарабика, спрятанном на дне моей сумки. Жевание его несколько облегчило мучительную жажду. Вследствие жары меня все более и более одолевала непобедимая сонливость. За время нашего сегодняшнего перехода мы встретили на дороге целых 7 верблюжьих трупов с еще неповрежденной шкурой; дикие звери выели у них внутренности, и туши распространяли зловоние далеко вокруг. Так шли мы без остановок до полуночи, желая поскорее добраться до цели.

Но вот наступил и знаменательный день. Под действием пылающих лучей солнца количество запасенной воды сокращалось ежеминутно, меха больше не закрывались, и нужно было дрожать над каждой каплей этой тепловатой коричневой бурды. Время от времени шарил я рукой по скользкой шкуре и смачивал себе лицо. Глаза мои были воспалены и болели, несмотря на цинковую примочку, которую я прикладывал довольно часто. Жажда была настолько сильна, что совершенно заглушала чувство голода. Целые часы я ехал в каком-то забытьи, очень близком к полуобморочному состоянию. У меня пропал интерес ко всему окружающему.

Лишь с наступлением сумерек, когда повеяло легкой прохладой, я вздохнул с облегчением. А люди все шли вперед. Через два часа после захода солнца авангард каравана достиг продолговатой впадины, шедшей вдоль гребня плоской дюны. Покуда шел спор, надо ли здесь устроить привал или нет, один из бедуинов, приложив руку к уху, концом копья указал куда-то на юг. Мы услышали смутный шум, похожий на конский храп. Он становился все громче и громче.

Теперь уже можно было разобрать приближающиеся голоса. Прямо на нас мчались во всю прыть два всадника. Доскакав до нас, лошади упали от изнеможения на землю. Это были лазутчики эмира; они загнали своих лошадей в тщетных поисках нас и только случайно наткнулись на нашу колонну. Едва переводя дыхание, сообщили они свои новости: Гехайна расположились в 4 часах к югу отсюда.

Шатры их протянулись на расстоянии двух часов езды. Весь провиант у них вышел. Нужно полагать, что завтра племя снимается с места.

— Благодарение Аллаху! — слышались радостные крики вокруг. — Аллах предает собачьих детей в наши руки, теперь они уж не уйдут от нас!..

— Настанет когда-нибудь и ваш черед! — пронеслось у меня в мозгу.

Смертельно уставшие лазутчики перебросили свои трубки товарищам, и те, набив их, зажгли.

— Воды, ради всего святого — воды! — взмолился один из прибывших. Кто-то принес мех и приложил его к губам лазутчика. Затем вновь прибывшим были вручены трубки.

Я высыпал весь остаток муки своей «Любимице» и прикорнул у нее на шее. Проснулся я от удара камнем, которым кто-то бросил в меня.

— Иди, египтянин, подкрепись! — прокричал один из людей моего отряда, сидевший у костра. Наскоро проглотив несколько комков промасленного риса, я снова заснул: этот отдых был самым кратким за все время моей поездки.

Встал я одним из первых, наскоро оседлал верблюда, привязал сумку и мехи и затянул кушак. Был час пополудни. Лишь только авангард пришел в движение, я присоединился к третьему отделению. Лазутчики ехали на лошадях немного впереди. Все огромное воинство двигалось в полном порядке. На всякий случай, бедуины вели с собой на поводу оседланных лошадей. До вражеского лагеря оставалось еще приблизительно около двух часов езды. Трудно было предположить, что Гехайна двинется в путь до восхода солнца. В окутывающей нас непроглядной тьме мы постепенно ускоряли шаг. А вокруг царило все то же безмолвие великой пустыни. Но вот на востоке забрезжило слабое сияние зарождающегося дня. Я скинул свой плащ и огляделся. Черных вражеских шатров еще не было видно. Все хранило молчание, напряженно вглядываясь вперед. Где-то далеко прозвучал сигнальный рожок. По знаку нашего начальника, мы ударили пятками в бока несчастных, и без того измученных животных. Словно по команде, засвиста-

ли палки и дубинки по спинам наших бегунов. Вихрем промчались мы тысячи две шагов по пригоркам. Цель, очевидно, была теперь уже близка, хотя я все еще ничего не видел. Вдруг мы снова замедлили ход. — Головные должны задержаться здесь! — шепнул мне скакавший рядом. Справа и слева показались темные массы всадников. Они стремительно мчались вперед. Я понял, что нам надлежало охватить вражеский лагерь широким кольцом. Не успел я оглянуться, как все нападающие перешли в рысь, потом, все ускоряя бег, в галоп. Передние ряды переводили свои копыта в наклонное положение. Я также инстинктивно выхватил саблю, хотя и не видел, кого и что, собственно, следует рубить. Все гуще и гуще становились окутывающие нас облака пыли. Вот сквозь ее завесу замелькали черные очертания шатров. Мы налетели на них, как смерч, и, сохраняя полное безмолвие, ворвались в лагерь. Никто не отдавал никаких приказаний. В голове была одна забота: что делать сейчас, в ближайшие минуты. Ударом сабли я перерубил одну из веревок, привязанных к колышкам, на которых держался шатер. Одна веревка, другая... Шатер рушится. Нельзя передать словами воцарившуюся суматоху: крики людей, рев животных, падающие палатки — все спуталось и перемешалось. Застигнутые врасплох люди с диким криком схватились за оружие, чтобы оказать нам сопротивление. Другие бежали к своим неоседланным верблюдам, таща с собой, что попало, в надежде как-нибудь улизнуть. Из падающих шатров с криком выбегали перепуганные женщины с голыми ребятишками на руках. Дети в ужасе прижимались к матерям, бившим себя в грудь от отчаяния. Через полупотухший костер мчатся обезумевшие козы и овцы; злобно лая, прыгают собаки, пытаясь нас укусить. Неприятель разбегается по всем направлениям. Наши всадники, с копытами наперевес, уже мчатся в погоню за беглецами, чтобы отбить захваченное беглецами добро. Все теснее становится кольцо, охватывающее вражеский лагерь. Вот старик-бедуин, дрожа от ярости, направляется ко мне, держа копьё наперевес. Я вижу, как он начинает вращать древко своего оружия, и знаю, что он целит в меня. Я в

свою очередь настораживаюсь и хватаюсь за рукоятку своей кривой сабли. Копье противника угодило бы мне прямо в лоб, но я успел вовремя предупредить удар и раздробил древко копья лезвием своей тяжелой сабли. Однако противник не унимается и пытается повторить удар обломком, уцелевшим в его руках. Острие почти касается моего подбородка, но в этот момент ударом сабли я расщепляю бамбуковый ствол немного пониже кинжаловидного наколечника. Только теперь он сдается: шатаясь, он направляется к палатке и прижимается лбом к какому-то столбу. Тем временем мои сотоварищи работают, рассыпавшись между шатрами. Какая-то женщина с ребенком на руках попадает мне навстречу с жалобными причитаниями. Я прошу у ней воды, она бежит в шатер и возвращается с небольшим мехом овечьего молока, который и протягивает мне.

На другом краю лагеря трещат выстрелы. Как потом оказалось, это стреляли наши, преследуя беглецов. Небольшой кучке удалось спастись на верблюдах и угнать с собой сотни коз и овец. Но это был пустяк по сравнению с той массой пленных, скота и припасов, которые были захвачены. У побежденных отбирается оружие, со многих снимается все до последней нитки. Несчастливым не оставляют решительно ничего. Срывают полотнища палаток и войлоки, тут же их складывают и навьючивают на специального верблюда. Дрянной плащ, дырявый котелок, колышек от палатки, даже кусок веревки — все считается достойным внимания и забирается, как добыча.

Уже рассвело, и взошедшее солнце осветило бесформенные остатки лагеря, который еще так недавно со своими сотнями войлочных шатров похож был на дремлющий город. Я откинул немного свою коффиджи, отер пот рукавом рубашки и тут только заметил, что я ранен. Сквозь кисею я нащупал две небольших ранки на лбу и на подбородке.

Разгромленные, потерявшие все, обреченные на беспощадный голод, бродят вокруг, бормоча проклятия, и смотрят, как наши перерезают горло их козам и овцам. Не менее 400 штук мелкого скота зарубается саблями. Вскоре

разводят огонь, наполняют котлы водой из мехов врага и бросают туда еще теплые куски мяса.

Моя «Любимица» слишком устала, чтобы есть. Она улеглась на песок, вытянув шею, и мне с трудом удалось засунуть ей в рот несколько фиников. Сам я, весь разбитый от усталости, уселся тут же, покуривая трубочку, чтобы отогнать сон, в то время, как остальные все еще были заняты погрузкой добычи.

Мясо было съедено полусырым; заставил себя съесть пару кусков и я. Но вот зазвучал рожок и раздалась дробь барабанов — сигнал к обратному выступлению. С громкими песнями уходили победители, осыпая насмешками обездоленных, обобранных людей. Я чувствовал себя совершенно измученным и боялся, как бы не упасть с верблюда. С трудом удалось мне привязать себя веревкой к седлу. Мы шли не в строю, с единственным желанием убраться отсюда поскорее, и потому беспрестанно погоняли измученных животных. Там и сям я замечал людей в пропитанных кровью рубашках. Раны на лице и шее некоторые посыпали истолченным кофе и прикладывали к ним поверх листья. Другие, очевидно, побывавшие в серьезной перепалке, бессильно висели на руках товарищей или держались за передний выступ седла. Я отрывал куски перевязочного материала и передавал их пострадавшим. Сам я был рад-радешенек, что отделался всего двумя незначительными царапинами.

Один из соучастников по разбою, ехавший возле меня, достал тонкий, внутри вылуженный медный лист с низкими ободками. Потом он вынул из седельной сумки 2 пригоршни муки из награбленного запаса, прибавил немного соли и воды и замесил тесто. Потом, не слезая с седла, развел огонь, поддерживая его верблюжьим навозом, захваченным во вражеском лагере. Когда пламя достаточно разгорелось, он положил на сковороду круглую лепешку из теста. Но ему, по-видимому, не хотелось долго ждать: он схватил дымящиеся вонючие кусочки навоза и посыпал ими лепешку сверху. Минут через пять навоз был сдунут на землю, и лепешка была готова. Мне и моему товарищу справа перепало по куску лепешки.

— Да благословит тебя Аллах за твою доброту! — воскликнул я, принимая угощение. Отряхнув приставшие кушочки навоза, я запихал горячую снедь себе в рот.

Все с облегчением вздохнули, когда с заходом солнца сделали привал. Была выставлена сильная стража, дабы предупредить возможное внезапное нападение врагов, подстрекаемых жаждой мести и отчаянием. Мой сосед угостил «Любимицу» несколькими горстями муки, а я, попросив, чтобы меня не тревожили, завернулся в плащ, проглотил несколько кусков военной добычи — козьего сыра — и заснул крепким сном.

Ночь прошла спокойно. Шестичасовой сон вдохнул в меня новые силы. Жара и утомление были уже не столь тягостны, как накануне. Уходя с добычей, мы двигались с не меньшей быстротой, чем тогда, когда готовились к набега. Кругом только и было разговора, что о дележе награбленного. Каждый громко или про себя высчитывал, сколько приходится на его долю, в зависимости от его заслуг и положения. Я тоже занимался подсчетом, но немного иного рода: я высчитывал, сколько часов осталось до ближайшего ночлега. С тех пор, как мы покинули оазис, мне не приходилось мыться, щеки мои покрылись коркой грязи и запекшейся крови, борода напоминала пыльную щетку, поры тела были забиты пылью и песком; кроме того, сильная боль в глазах, неотвязная, мучительная жажда, скудное питание и с каждым днем растущее утомление — все это будило страстное желание дожидаться скорее времени, когда наконец можно будет помыться и отдохнуть.

На четвертый день после набега, за несколько часов до захода солнца, нас встретили с громкими криками радости женщины из Гиофа. Они пели, плясали и без конца выражали свой восторг по поводу богатой добычи. Молодая бедуйка прыгнула ко мне в седло и стала расспрашивать о численности угнанных стад. Я удовлетворил ее любопытство, и она, видимо — в знак благодарности, приподняв мое коффиджи, стащила с меня сорочку и принялась счищать с нее паразитов. Мне тогда не пришло в голову, что взамен

уничтоженных паразитов она могла снабдить меня новыми...

Наконец показались пальмы Гиофа, и с заходом солнца мы вступили в оазис. Ворота крепости были открыты, и моя «Любимца» протиснулась во двор. Бедняжка ничего не могла есть от утомления. Она положила голову на песок и закрыла глаза. Я сам еле держался на ногах, и, с невыразимым трудом взобравшись по глиняным ступенькам, в изнеможении свалился на постель. После обеда, стащив с себя залитую кровью рубашку, принявшую боевое крещение, я залег спать и проснулся только тогда, когда моя белая повязка вся почернела от мух. Вскоре начался в Гиофе раздел добычи. Я лег на край крыши и стал наблюдать суетливую возню во дворе. С удивительным спокойствием и, как мне показалось, с полным знанием дела, наместник умиротворял алчных претендентов, устанавливая для каждого заслуженную им долю добычи.

Теперь моей главной заботой было поскорее восстановить свои силы и силы «Любимицы», чтобы быть в состоянии продолжать путешествие, ибо самая трудная часть была еще впереди. Со времени моего первого приезда в Гиоф пока не прошло ни одного каравана, но каждый день нужно было ожидать такового в направлении на Евфрат. И действительно, через два дня один из таких караванов вступил в оазис. Для меня это было немного рано, но мне помог счастливый случай: запрещение наместника выступать дальше в поход ранее, чем через двое суток, ибо дорога на северо-восток считалась небезопасной от гехайна, которые, соединившись с дружественными им племенами, могли напасть на проходивший караван. Наместник выслал разведчиков, чтобы осмотреть путь, предстоящий каравану. Через четыре дня посланцы вернулись и сообщили, что племя гехайна с остатками своих верблюдов и овечьих стад направилось к юго-востоку. Следовательно, в настоящий момент дорога была безопасна, а так как нападения других племен вряд ли можно было ожидать, то было решено немедленно сниматься с места.

ИЗ ГИОФА В МОССУЛ

Наместник проводил меня до ворот и там препоручил защите Аллаха, неустанно прибавляя пожелания долгой жизни. Я чуть не задохся от поцелуев моего нового друга, — так от них разило мускусом. Мой почетный эскорт на протяжении всей впадины, в которой был расположен оазис, составили один из участников разу, вместе со своим сынишкой восседавший на верблюде, и солдат-бедуин. Я был рад малочисленности провожающих. Каждый из провожаемых по несколько минут держал свою руку в моей, обхватывал затем мой большой палец и держал его так до тех пор, пока я его не выдергивал: так обычно прощаются бедуины. Возгласы прощальных приветов еще долго неслись мне вслед.

Все выше поднимались мы по каменистому плоскогорью. Бодрым шагом продвигаясь вперед, мы добрались до горной цепи с любопытными очертаниями: одна скала напоминала двугорбого верблюда, другая — гигантский гриб; огромные гигантские глыбы и горные пики создавали впечатление какой-то фантастической крепости, с зубцами и бойницами. Около полудня нашему взору представились огромные каменные глыбы, на которых, быть может, ты-

сячи полторы лет тому назад, неумелой, точно детской рукой были нарисованы и высечены по контурам фигуры страусов, горных козлов, гиен и зайцев. У многих фигур в центре было выдолблено углубление: еще до возникновения ислама в пустыне было запрещено изображать живые существа, и знак этот являлся доказательством, что дело идет о мертвых животных. На одной скале я заметил высеченные старинные надписи; знаки, состоявшие из кривых и прямых линий, крестиков, углов, крючков, овалов, полукругов, по всей вероятности, были сделаны еще пастухами, около 17 столетий тому назад отмечавших здесь места своих пастбищ. Начертания имели сходство с теми, которые я нашел среди базальтовых скал Сирийской пустыни. Пускаться в дальнейшие розыски я не мог. Мне удалось лишь, отделившись от каравана, заснять надписи и впоследствии перевести их. Одна из них гласила: «Да будет поражен слепотой тот, кто сотрет эти письма».

Вскоре мы пробрались сквозь скалистые нагромождения и вновь очутились среди волнистых холмов. Незадолго до захода солнца на нашем пути попался лагерь бедуинов-Анесах, которые производили весьма тягостное впечатление. Медленно пробирались мы меж лохматыми палатками. Возле одной палатки бедуины доили возвратившихся с пастбища овец, около следующей женщины приготовляли масло. У большинства палаток рядом с овцами стоял осел. Верблюдов было мало. На полотняных крышах были разложены для просушки трава и куски овечьего сыра. Я остановился и заглянул в шатер. Хозяин сейчас же стал приглашать меня войти, а жена принесла прямоугольную деревянную миску с овечьим молоком и протянула ее мне. Немного отпив, я пошарил в кармане и сунул ей горсть табака. Она ушла, видимо, очень довольная, поддерживая ниспадавший с головы платок, закрывавший на две трети ее лицо.

Хотя палатка и выглядела довольно убого, но, после полученного приглашения, нам уже неудобно было искать пристанища в другом месте. Верблюды наши опустились на колени. Одного погонщика мы отрядили сторожить ка-

раван, а сами вошли в шатер, куда получили приглашение. Здесь мы присели на корточки и закурили трубки.

— Откуда вы берете воду для стад? — спросил я бедуинку. Та посмотрела на меня с удивлением:

— Наши козы и овцы вовсе не нуждаются в пойле.

Об этом я слышал и раньше, однако невероятность подобного утверждения была слишком велика, и мне захотелось проверить его на деле. Я взял деревянную лоханку, наполнил ее водой и по очереди стал подносить ее к самым мордам животных. Они заглядывали внутрь, но не пили. Очевидно, им действительно хватало той скудной влаги, которая содержится в чертополохе и сухих травах. Для меня это было лучшим доказательством того, насколько жизненные привычки и их удовлетворение подчинены общим законам наследственности и борьбы за существование.

О том строгом затворничестве женщины, какое мы наблюдали в оазисе, у этих вольных обитателей пустыни не могло быть и речи. Хотя она, по стародавнему обычаю, и не имела доступа в мужскую половину шатра, но сплошь и рядом к голосу ее прислушиваются при обсуждении самых важных вопросов. На долю этих женщин в пустыне приходится львиная доля всей домашней работы. Подобно оседлым женщинам оазисов, бедуинка кочевий носит просторный, похожий на рубашку балахон, окрашенный в черный или индиговый цвет. Балахон поддерживается кушаком, несколько раз обернутым вокруг талии. Для защиты от холода женщины прибегают также к мужским плащам. Щеголяют они также по большей части босиком, и лишь изредка на ногах у них можно видеть красные неуклюжие мужские сапоги с тупым носком; голову обвязывают платком, довольно тонким, часто сильно грязным и засаленным; при встрече с чужими мужчинами его опускают на лицо. Применение этого платка универсально: им мать перевязывает рану у своего ребенка, в него же закутывается любимец семьи — ягненок или козленок, которого промочил дождь; носовых платков в обиходе не имеется, даже у зажиточных, и потому слезы смахиваются кончиками пальцев, которые потом обтираются о тот же платок. Жены да-

же самых последних бедняков, подобно зажиточным женщинам из оазиса, носят на руках и на ногах круглые гладкие браслеты из голубого и зеленого стекла. Более знатные носят различные серебряные украшения, какую-нибудь коралловую или стеклянную брошь или просто пуговицу красивее, которая продевается в отверстие в носу. У большинства женщин, которых мне довелось видеть, подбородок, губы и лоб были татуированы: еще в возрасте 6 или 7 лет им делают уколы иглой и втирают в кожу смесь из пороха и индиго. Девочки 12 лет считаются уже вполне развившимися и выдаются замуж. Отцу невесты жених вносит калым, обычно состоящий из нескольких верблюдов. В 13 лет девочка уже становится матерью, а в 18 выглядит совсем старухой. Тяжелая борьба за существование, недостаточное питание, разнообразные лишения кочевой жизни и, вдобавок, продолжительное кормление детей грудью в течение 2 или 3 лет — все это способствует преждевременному увяданию женщины.

Вскоре подали овечье молоко в нескольких деревянных мисках. У меня невольно мелькнула мысль, что это делается с целью умерить аппетит гостей при предстоящем угощении. Тотчас же были заколоты два больших барана; обычный расчет таков, что на 5 человек обедающих бедуинов должно приходиться одно животное средней величины. Каждую тушу разрубили на шесть кусков и принялись варить мясо в больших плоских медных котлах. Прошло не менее трех часов, пока наконец мы не смогли усесться вокруг долгожданных подносов с рисом и бараньим мясом. Быстро были засучены рукава рубашек, и гости, омыв правые руки, столпились вокруг лакомых блюд. Меня смущало незначительное количество мяса, пришедшееся на долю женщин и детей, но я утешал себя тем, что они воспользовались головой, ногами и внутренностями. На расставанье я подарил хозяйке украдкой свой кисет с табаком.

На следующее утро мы медленно тронулись в дальнейший путь. Так прошло четыре дня. На пятый день пути невыносимая жажда стала терзать меня с раннего утра. Вода, запасенная ранее, в колодце Эль-Ходч, была очень плоха,

и я не решался ее пить, а другой мех начал протекать и там оставалось лишь немного влаги. Я то и дело смачивал руку и проводил ею по запекшимся губам. Но пока все это еще было терпимо. Около 8 часов утра вдаль развернулся великолепный мираж. Широкие водные глади, острова, группы пальм, зеленеющие поля — все это казалось таким подлинным, что измученному жаждой человеку легко обмануться и свернуть с дороги навстречу обманчивому призраку. Зрелище продолжалось около получаса; потом, когда все слои воздуха равномерно нагрелись, мираж исчез так же внезапно, как и появился.

Начались страдные дни. Жара становилась все сильнее, изнурение возрастало. Лишь изредка и понемногу я отпивал от меха с испорченной водой, но это лишь усугубляло жажду. Спутники мои пили ту же воду без всяких предосторожностей и не ощущали никаких недомоганий. Следующий колодезь, до которого мы добрались, оказался до краев забросанным камнями и песком. Теперь нужно было уже дрожать над каждой каплей воды. К тому же верблюды не имели зеленого корма, и потому, во избежание несчастия, их пришлось напоить на четвертый день.

На шестой день всем нам пришлось туго. С большим трудом удалось добыть из осклизлых мехов малую толику воды, нужную для приготовления риса и кофе. Однако никто не жаловался, и это придавало мне бодрости. Молчал и я. Небо и язык пересохли так, что казались какими-то инородными телами, засевающими во рту. Животные не могли ничего есть от жажды. Оставшиеся несколько сочных фиников я пожертвовал своей «Любимице», которая держала себя молодчиной. Сам я, чтобы заснуть, лизал мокрые мехи.

Была еще глубокая ночь, когда начальник каравана подал знак к выступлению. Я так обессилел, что не мог даже поднять седло на верблюда. Мой сосед помог затянуть мне пояс и прикрепить сумку. Наконец, мне удалось усесться. Истощенное животное встало, однако, на ноги, повинуясь одному только понуканию, других пришлось подгонять палками. Медленно, делая едва каких-нибудь 6000 шагов в

час, продвигался до конца изнуренный караван, помышляя только о том, как бы скорее добраться до воды. Еще до восхода солнца я соскочил с верблюда и пошел рядом с ним. Некоторые спутники последовали моему примеру, но упадок сил был так велик, что больше получаса никто не мог пройти пешком. Прошло еще два часа. Люди, окутанные облаком мелкой пыли, с трудом выдавливали из глотки ободряющие понукания верблюдам, дубинки беспрестанно свистали по спинам измученных животных. Клубы пыли налипали у меня на губах, забивали ноздри. Но что это виднеется вдаль, на расстоянии выстрела из ружья? Как будто верблюды, шлепающие по воде? Ничего подобного. Это обманчивые образы миража... Вскоре падает одно животное, за ним другое. Да будет воля Аллаха! Груз раскладывается на другим животным, хотя они и без того изнемогают под бременем своих выюков. Ну, что же? И их тоже бросят на произвол судьбы... Спасайся, кто может!.. Важно помнить, что каждый шаг приближает нас к долгожданному источнику.

Вот рухнуло наземь еще одно рослое животное. Охваченный отчаянием бедуин со слезами бросается к нему, ласкает, зовет его по имени, желая подбодрить. Вокруг столпились другие погонщики и смотрели на эту тяжелую сцену, опираясь на копья и ружья. Но время не терпит, — надо торопиться. И это животное пришлось бросать. Я видел, как жалобно оно глядело нам вслед, делая тщетные попытки подняться... Дешевле купить трех новых верблюдов, чем поставить на ноги загнанного — говорят бедуины.

Прошел еще час. Я качался в седле, как пьяный. Вдруг крик впереди вывел меня из оцепенения. Я, еще не зная, в чем дело, но чувствовал, что моя «Любимица» прибавила шагу. Вот верблюды сгруппировались все в кучу, с ревом вытягивая шеи. Вода!!! То был ручеек, но столь ничтожный, что потребовалось много времени на то, чтобы все 200 животных нашего каравана утолили свою жажду. Я прополз под туловище «Любимицы», улегся на животе между ее передних ног и стал пить. Не спеша, мы отправились дальше. Равнина чуть заметно понижалась к востоку. Мы спускались к

Евфрату. Постепенно растительность становилась все богаче. Пустыня граничила здесь с плодородной страной.

Наконец, мы достигли реки. Животные вошли в воду довольно неохотно. Они никогда не купаются как следует и, вообще, боятся воды. Сбившись в груды, животные спотыкались и мешали друг другу, то и дело рискуя поскользнуться и попасть под лодки, спешившие им на помощь. Я выбрался одним из первых. С большим трудом удалось мне раздобыть несколько пригоршней муки для «Любимицы» и подкрепиться самому. Ночь я решил провести в Хите. Поздно вечером я успел как следует выкупаться в реке, затем притащил своей верблюдице связку свежей травы и завалился спать в грязной харчевне.

На следующий день, на восходе солнца, я выехал один и двинулся на север по дороге, для меня уже вполне ясной. К вечеру уже более трети всего пути было пройдено, и я остался на ночлег возле скудных порослей кустарника. В этой местности водилось много змей, а потому я сначала тщательно ошарил все вокруг, а потом залег спать, подкрепившись хлебом, овечьим сыром и финиками.

На третий день я уже пробирался по пыльным, вонючим улицам Моссула. Я решил остановиться в самой лучшей гостинице города. Въехав на просторный двор, я, совершенно разбитый от усталости, с трудом слез с седла. Подошедший слуга забрал мои вьюки, и я поплелся за ним в номер «отеля», который оказался довольно грязной и почти пустой комнатой. Набросив овечью шкуру на железные перекладки лишенной матраца кровати, я бросился на нее сам и пролежал так до захода солнца. Потом с помощью слуги я основательно вымылся во дворе гостиницы, оделся и, задав корму «Любимице», снова завалился спать.

МОССУЛ И ОГНЕПОКЛОННИКИ

Когда я проснулся, солнце уже стояло высоко. Я подобрал низко свисавшие рукава рубашки, облачился в куфтан, парадное платье, достигающее до лодыжек, на ноги натянул чулки, ярко-красные сапоги с небольшим выгибом впереди. На голову я надел красную феску. Огромный тюрбан из белой кисеи придал мне вид какого-нибудь знатного или ученого обитателя здешних мест. В таком наряде я отправился бродить по городу, которого, судя по всему, совершенно еще не коснулось веяние западной цивилизации. Улицы были узки и извилисты, а стоявшие по сторонам дома походили на каменные глыбы, покрытые пылью. У большинства домов на улицу выходил один только вход, закрытый массивной деревянной дверью. Часто на высоте около 4 метров в стене можно приметить еще небольшие отверстия, откуда выливались всякого рода нечистоты. Струйки жидкости сбегает по глухому фасаду, а внизу, поперек узенькой панели, тянется водосток, обрывающийся у мостовой. В нем неизменно барахтается бездомная собака, ищущая в этой вонючей грязи спасения от жгучих лучей солнца. С приближением прохожего она пугливо вскакивает и, с поджатым хвостом, трясется рысцой прочь. На высоких домах, малодоступных местах можно было заметить гнезда аистов, теперь уже опустевшие. Базар произвел на меня жалкое впечатление. Давно уже исчезли с рынка тонкие хлопчатобумажные ткани из так называемого муслина, от которых город получил свое наименование. Производство ковров свелось тоже к скудной рутине домашнего ремесла. Наряду с грубой дешевкой, удовлетворявшей повседневным потребностям местного городского и сельского населения, здесь можно было встретить старые вещи самого разнообразного происхождения. Этот товар, столь дешевый в Европе, здесь расценивался высоко.

Целый день я пробродил по городу. В качестве ученого мусульманина, интересующегося различными сектами, я заводил с почтенными эффенди на базаре и в тавернах речь

об иезидах, но так и не мог добиться никаких новых сведений по сравнению с тем, что мне было уже и без того известно из книг. К иезидам отношение повсюду было враждебное, и говорили о них неохотно.

Дальнейшая маскировка была теперь бесполезна, и вот, вернувшись в гостиницу, я упаковал свой бедуинский гардероб в большой седельный мешок и заказал себе верховую лошадь. Потом я обрил бороду и облачился в свой английский костюм из легкой материи, специально приспособленный для верховой езды. Преобразившись таким образом, я спустился вниз. Содержатель гостиницы, христианин халдейского толка, пораженный такой метаморфозой, точно лишился языка и только отвешивал подобострастные поклоны. И немудрено: в то время в Моссуле едва ли можно было найти хоть одного настоящего европейца, хотя здесь, кроме 40 тыс. магометан, насчитывается до 10 тысяч христиан. Трактирщик, из скромности, воздержался, однако, от расспросов о причинах подобного переодевания. В присутствии хозяина я сделал нужные распоряжения относительно ухода за «Любимицей», а затем, подкрепив силы едой, взял винтовку и живо вскочил на поданную лошадь.

Близился полдень, когда я снова, на этот раз уже верхом на лошади, проследовал сквозь ворота старого города, арки которых проходили под наиболее оживленной кофейней Моссула. Верховые и пешеходы едва прокладывали себе дорогу сквозь пеструю толпу погонщиков мулов и верблюдов. На площади, примыкавшей к Тигру, проезд через старинный, времен Тимура, мост застопорил целый караван. Нещадно ревели верблюды, слышались пронзительные голоса погонщиков.

Выехав за город, я взял направление на север, ориентируясь на кучку жалких палаток, где ютились курды-кочевники. Вот я — в курдской деревне. Жалкие лачуги окружены скудной зеленью. Вот женщина занята убийственной работой, — размалыванием горсточки зерен между двумя камнями; тут доят коз, там — овец; какой-то мужчина наматывает шерсть на веретено. Приветствия с моей стороны

вызывают изумление всех встречных. Меня, в ответ, просят зайти, разделить трапезу. Но времени терять не приходится: я еду безостановочно все дальше и дальше. Солнце палит немилосердно. У встретившейся по пути речушки я остановился и попил пригоршнями чистой воды. Плохо наезженная горная тропа вела все выше и выше. То и дело приходилось соскакивать с лошади и вести ее под уздцы в тех местах, где дорогу загромождали мелкий щебень и каменные глыбы. Какой-то пастух указал мне узкую тропу, ведущую в Лалиш — главную резиденцию иезидов. Дорога вилась дальше по уединенной долине. Я уже подумал, что заблудился, и потому замедлил ход лошади, как сквозь листву столетних дубов проглянул остроконечный верх небольшой белой башни. Я обвязал поводья лошади вокруг ствола тутового дерева и, поднявшись вверх по раскосым ступенькам, очутился перед ветхим зданием. Стены его, сложенные из известняка, наполовину уже выветрились, из всех расщелин торчал мох. Сомнений быть не могло: я находился перед храмом поклонников дьявола. Я приблизился к незатейливой входной двери, к полукруглой арке которой прилипло несколько комочков свежей глины. По правую руку я заметил вделанную в стену бронзовую змею длиной почти в полтора метра. Голова у этой змеи была приподнята вверх, вся же она от бесчисленных поцелуев верующих казалась словно отполированной. По бокам и повыше змеи были высечены по камню какие-то магические рубчики, нарезки, секиры и прочие явно кабалистические знаки. Показался привратник, коренастый, плотно сложенный мужчина. Обветренное, покрытое загаром лицо было обрамлено черной, как смоль, бородой. Ноги были босы. Он устремил на меня подозрительный взгляд.

— Что надо?—спросил он по-арабски, смотря куда-то в сторону.

Я небрежно прикоснулся правой рукой к шляпе и ответил, что у меня на родине, в Европе, вновь прибывших всегда сначала приветствуют, а затем уже осведомляются, что им нужно. Мой собеседник соизволил произнести слова приветствия, на что и получил соответствующий ответ.

— Намерения у меня самые добрые. Я чту вашу религию, как и всякую другую, приехал же сюда для того, чтобы осмотреть ваше святилище.

Иезид прищелкнул языком, а его суровое лицо приняло выражение еще большего безучастия.

— Уж не думаешь ли ты, что я переодетый турок или не принимаешь ли меня за магометанина? — спросил я, расправляя складки своих рейтуз. — Гробом господа нашего Иисуса клянусь, что принадлежу к церкви западных христиан!

Видя, что мой собеседник все еще не выражает ни малейшего желания отпереть входную дверь, я вынул золотую монету и подбросил ее на ладони. Иезид принял монету с видимым равнодушием и большим ключом, висевшим у него на груди, отпер двери. Пока я снимал сапоги, мой проводник зажег маленькую масляную свечу. Иезид хотел пропустить меня вперед, но я задержался и заставил его двинуться первым.

Когда мы проходили по совершенно темному помещению, похожему на крытый двор, я услышал журчание воды. Я нагнулся, зачерпнул воду рукою, выпил и спросил:

— Это и есть святая вода из источника Семзем в Мекке?

Проводник молча кивнул головой.

По левую руку виднелась небольшая овальная впадина, сделанная прямо в голом полу. Мне показалось, что я различаю в ней комочки глины. Точно так же никаких разъяснений я не мог добиться и относительно чуланчиков, сооруженных в боковой стене направо. Перед тем, как пройти в следующее помещение, я заставил посветить на дверь. Так же, как и наружная, она была украшена различными знаками, расположенными вразброс.

Во втором помещении высились, подобно призракам, пять гладких каменных столбов, разделявших комнату на две части. Напротив в продольной стене виднелось 5 полукруглых ниш. Под ними были высечены по камню челнок и две звезды. Снова дверь и снова комната, по-видимому, столь же пустая, как и предшествующая, с такими же каменными столбами. Я все добивался, где же будет гроб-

ница «Великого», «самого господа небес». Мы вернулись обратно к передней стене второго помещения и отсюда повернули направо, в «священный проход», как объяснил мне мой спутник. Я шел ощупью, касаясь голых каменных стен. Наконец, мы очутились в маленькой каморке со сводчатым потолком. Она отделялась от главного помещения занавесью из зеленого шелка. Перед нами была ниша, завешанная пестрыми платками и коврами.

— Действительно ли здесь покоится прах Великого?

— Да.

— Да пребудет же над ним благословление Аллаха! — сказал я серьезным тоном.

Около сводчатой усыпальницы виднелся узкий ход, ведущий в более обширное помещение, где хранилась «священная глина». Однако, мой проводник, храня вверенные ему тайны, не захотел провести меня туда.

Тогда я выразил желание увидеть Малак Таус и спросил о местонахождении «Великого Тьмы».

Но мой проводник отрицательно покачал головой и произнес:

— Великий Тьмы находится не здесь!

Я снова подсунул ему золотую монетку. Так как он все еще упорствовал, я дал ему еще золотой, но поклялся своей головой, что больше он от меня ничего не получит. Наконец, после долгих уверток, он кивнул головой в знак согласия.

По возможности, я старался избегать при разговоре слов, начинавшихся с звука «ш». В том случае, если без них нельзя было обойтись, я умышленно искажал слова, заменяя начальное «ш» — «с»... Но больше всего остерегался я каких-либо упоминаний о «шитани» (шайтане), зная прекрасно, что всякий, нарушающий этот запрет, будь он самый почетный гость, на месте убивается, как возводящий хулу на дьявола, дабы пресечь несчастье, которое могло бы повлечь за собою подобное преступление.

Мой проводник покинул меня на минутку и затем откуда-то принес золоченый под бронзу предмет, который походил скорее всего на металлический подсвечник. На

круглую, массивную, сужающуюся книзу подставку были насажены постепенно все меньших размеров шарики, разделенные плоскими круглыми дисками. Диск под вторым шаром был особенно велик; он имел форму тарелки: должно быть, сюда клались денежные приношения. Самый верхний шар увенчивал Малак Таус, безногий петух: «Великий Мрака». Ни за какие блага мира фанатик-иезид не сказал по этому поводу ни слова мне, нечестивцу. Но я уж не так высоко ставил власть дьявола и дерзко прикоснулся своими нечистыми руками к этому священному образу и подобию дьявола.

Не узнав почти ничего нового, покинул я таинственное святилище, следуя за своим проводником. Выйдя из храма наружу, иезид благоговеино облобызал изображение змеи, этот символ мудрости и жизни.

Я вскочил на лошадь и поскакал прочь, но отъехал недалеко, решив сделать привал в первой же деревне, по наименованию Тель Ускуф, которую населяли одновременно христиане и магометане. Я завел разговор с одним туземцем, который показался мне подходящим для моих дальнейших целей. Он вежливо отвечал на мои приветствия и пригласил меня к себе в дом. Он хорошо говорил по-арабски, и я очень скоро уговорил его пойти со мной в качестве проводника к тому самому святилищу иезидов, откуда я только что прибыл. Часа через два мы пробирались уже с ним верхом по направлению к деревне Лалиш.

На этот раз мне посчастливилось. Когда из-за склона долины нашим взорам открылся храм, мы увидели, что к нему со всех сторон стекаются толпы народа. Мы попали на всенародное празднество иезидов. Со всех сторон доносились радостные клики и звуки выстрелов. Все дороги были запружены мужчинами, спешившими на праздник в торжественных одеяниях, в полном вооружении. Они стреляли в воздух из кремневых ружей, испуская радостные крики. Люди собирались в кучки и обменивались взаимными приветствиями.

Вдали виднелись вереницы мулов, груженных ящиками, мешками, циновками и коврами. Еще дальше можно было

различить караван верблюдов, на горбах которых перед всадниками лежали связанные овцы. Много было и пешеходов с жалкими узелками за плечами или на голове. Грудные дети сидели у женщин верхом на плечах или же на шее. Это были крестьяне из северного Курдистана. В некотором отдалении ехали иезиды-бедуины. Одетые в белые короткие плащи, они гордо восседали на своих лошадях или верблюдах. На многих животных сидели жены кочевников, не признававшие никаких покрывал. Тут же копошились дети в пестрых, но чистых рубашках. Эти паломники прибыли издалека, — из неприступных твердынь горной цепи Синдьяр, где они уже с середины прошлого столетия нашли себе надежное убежище от преследований со стороны турок. Они спешивались, вступали в единоборство на саблях, стреляли в воздух из ружей, а затем следовали дальше. В этом заключалось их паломничество, которое они совершали к месту успокоения шейха Ади.

Наконец появился эмир — светский глава всех иезидов. В правой руке он держал богато украшенный меч с кривым лезвием. Из-под широкого плаща, вышитого золотом, выглядывала куртка из красного шелка; головной убор целиком скрывался под огромным белым тюрбаном. Собравшаяся кругом толпа встретила эмира громкими кликами, верующие подходили и целовали его правую руку. С горы в это время спускался великий шейх-назир, первосвященник иезидов. Его окружали обитатели деревни и священнослужители всех степеней.

Внизу долины торговцы разложили на циновках свои товары: винные ягоды, виноград, фрукты, орехи. Целые семьи пилигримов примостились в тени деревьев. Полны народа были также и отлогие склоны долины. Где только можно, люди лежали прямо на земле, лишь скудно прикрытой травянистым покровом.

Нарядная одежда женщин сверкала самыми яркими красками, но тщетно взор мой искал ненавистного поклонника дьявола голубого цвета. Ветви деревьев были увиты белыми и пестрыми лентами. То там, то сям звучали музыкальные инструменты и раздавались песни.

Приблизительно за час до захода солнца брат эмира засучил рукава, засунул за пояс полы своего одеяния, схватил овцу и потащил ее на пустопорожнее место. Здесь, он перерезал животному горло, содрал шкуру, раздробил ребра и стал разрубать тушу на куски, раздавая мясо собравшимся со всех сторон беднякам. Ряд других семей позажигачнее последовал примеру своего принцепала.

В то время, как женщины принялись за изготовление ужина, мужчины стали на веревках стаскивать в одно место коров и быков белой масти. Это готовилось жертвоприношение Шех-Шамсу — солнечному шейху, гробница которого находилась неподалеку. Эти животные должны были быть заколоты возле усыпальницы, мясо же их предназначалось бедуинам.

Полились нежные звуки флейты, постепенно замолкли и крики, и стрельба, и в долине воцарилась тишина. Мы не спускали глаз со святилища. Вот из него вышла процессия — факиры, закутанные в коричневые плащи из грубой материи, с огромными черными тюрбанами на головах. Всюду засверкали огоньки. Женщины и мужчины со всех сторон стекались к этим аскетам, стараясь прикоснуться рукой к светильникам, которые те несли в руках. Затем кончиком опаленных пальцев они проводили по бровям, проделывали то же самое и со своими детьми. Кому не пришлось коснуться пламени, те довольствовались прикосновением к рукам счастливцев, которым удалось прикоснуться к священному огню. Точно так же и они растирали себе лицо кончиками пальцев.

Подобно светлякам или звездочкам, засверкали теперь повсюду тысячи язычков пламени: среди древесной листвы, в дуплах деревьев, среди скал и в углублениях почвы, в кустах и на опушке со всех сторон сбегавшего в долину леса.

Вот из-за ограды храма слышалось торжественное, заунывное пение. Женские и мужские голоса, проходя всю гамму оттенков, красиво сливались с грациозной мелодией флейт.

Любопытство подмывало меня заглянуть внутрь храма. Я повесил на шею бинокль и, удостоверившись, что за нами никто не следит, осторожно перебрался вместе со спутником через гребень холма. Спутника я решил оставить у лошадей, а сам остался наверху один для того, чтобы лучше следить за течением праздника. В случае опасности, сигналом для проводника должны были служить два выстрела из браунинга. По возможности бесшумно, держась в тени, я подполз к самому храму. Никто не обращал на меня никакого внимания. Я достиг до самого входа сквозь ограду и украдкой заглянул внутрь.

Внутренность храма была тускло освещена факелами и лампадами. В самом центре сидел на корточках первосвященник. Небольшая секира свисала у него с пояса, а перед ним горела масляная лампада, имевшая форму четырехугольной тарелки, в каждом углу которой горело по фитилю. Вдоль одной из стен разместилось высшее жречество в белоснежных одеждах, с плотно заверченными тюрбанами. Напротив входа сидели до 30 жрецов, облеченных в черные с белыми полосами одежды, это были так называемые «кавали»¹. Все они или играли на флейте или ударяли в тамбурин. Вокруг стояли монахи в коричневых плащах и монахини все в белом. С силой ударяя в тамбурины, кавали время от времени заглушали бесхитростный напев гимна, напеваемого священнослужителями. Пилигримы снаружи присоединяли свои голоса к этому хору. Все громче, все оглушительнее становилась музыка, взметывалась целая буря звуков, музыканты подбрасывали высоко вверх свои инструменты, вновь ловили их и лобызали, вертясь в то же время волчком и судорожно дергая руками и ногами до тех пор, пока в изнеможении не падали с пеной у рта на землю. Потом они снова вскакивали, адский шум возобновлялся,

¹ У иезидов существует строгая иерархия. Высшему духовному главе — шейху Надиру подчинены пять рангов священнослужителей. Вторую степень и составляют кавали или совещатели, на обязанности которых лежит произнесение священных слов и гимнов во время богослужений.

а гул многотысячной толпы в долине становился все оглушительнее. Какое-то безумие охватывало массы. Иступление овладевало и музыкантами.

Посредине двора святилища горели четыре лампы, по форме похожие на тарелки с четырьмя ножками. Лампада стояла на особом возвышении, и один из факиров подливал в нее масло из кувшина. Другой факир стоял тут же с зажженным факелом. Немного спустя факиры выстроились уже в круг, посреди которого горела лампада. Вот к этой группе аскетов приближается статный старик с длинной бородой. Его светлое, ниспадавшее до пят одеяние расцвечено красными, белыми и черными полосами. За ним следовали эмир и великий шейх, оба в ослепительно белых одеяниях, и высшие священнослужители в черных плащах и с черными повязками на головах. Процессию замыкали факиры в своих мрачных темно-коричневых одеяниях. Внутренний ряд начал медленно двигаться вокруг лампы, за ним последовал и второй круг, составившийся из попарно шедших священнослужителей. Снова звучали флейты и тамбурины. Факиры, кружившиеся в центре, двигались в такт музыке и, раскачиваясь, то поднимали, то опускали руки. Когда оба круга, не расстраиваясь, образовывали одно сплошное кольцо, они останавливались на месте и запевали различные гимны на курдском наречии. Вдоль одной из стен расположились музыканты; подле них стояли женщины в белых одеждах, с черными головными повязками. Внешний ряд, двигавшийся попарно, продолжал выступать мерной, торжественной поступью, а факиры внутри принялись быстро вертеться. Все быстрее и быстрее бесновались они в головокружительной пляске, все неистовее становился и темп музыки, и, в конце концов, в полном изнеможении, они падали на землю под пронзительные крики женщин.

Я вновь поднялся к своему прежнему наблюдательному пункту. Отсюда хорошо было видно, как под звуки флейт и тамбуринов вихрем носились танцующие пары. Вся эта сцена освещалась светом факелов и лампад. Вот еще появилась целая ватага иезидов-бедуинов, вооруженных ружья-

ми. Они обрывали ветви у дубов, засовывали их в дула своего оружия и стреляли в воздух.

Я неподвижно лежал на животе, опершись подбородком о камни, и не отрывал глаз от бинокля. При свете факелов я увидел, как низшие священнослужители, одетые в коричневые и черные одежды, озабоченно бегали взад и вперед. Из входа в святилище вырвался сноп тусклого света. Те священнослужители, которые были в белых одеждах, поспешили туда. Через некоторое время вновь раздались звуки флейт и тамбуринов. Я услышал пение, но слов, за дальностью расстояния, разобрать не мог. Все громче становилась музыка, все более ускорялся ее ритм. Но вот эти звуки внезапно оборвались, сменившись сдавленным шепотом. Так длилось недолго: снова музыка, снова дикие возгласы паломников, неистовствующих там, в долине, новые выстрелы в воздух, новые усилия со стороны музыкантов, стремящихся поспеть за этим диким темпом. Вся долина грохотала от кликов, словно на нас катилась какая-то человеческая лавина.

Около часа длилась эта адская музыка и постепенно стала затихать. Вдруг звуки возобновились с прежней бешеной силой. Затрещали выстрелы, загудела толпа паломников и показались два священнослужителя в белом одеянии; за ними третий жрец нес Малак-Тауса. В руках первых двух были кадила, которыми они размахивали во все стороны. Далее следовала вся толпа жрецов, кто в белом, кто в разноцветном, кто в черном, кто в коричневом одеянии. Вся эта процессия двинулась вдоль долины; толпы народа, охваченные религиозным экстазом, падали ниц на землю. Когда бронзовое изваяние проносилось мимо, паломники приподымались, ловили руками дымок от кадил и кончиками освященных таким способом пальцев проводили себе по лицу. Глухой гул несясь вслед за священным образом. То верующие вполголоса твердили молитвы.

В то время, как Малак-Таус обносился вокруг на потребу всем верующим, подготовлялась другая религиозная церемония. Я видел, как через некоторое время из храма вышел шейх. Сначала он стоит одиноко на площадке перед

храмом; затем снимает свои белые облачения, как бы от-
решаясь на время от своего духовного сана, и появляется в
качестве простого смертного среди толпы. Другие священ-
нослужители последовали его примеру.

Вдруг оглушительно грянул выстрел, за ним другой...
Что-то твердое ударило мне в лоб, в плечо... Я потерял соз-
нание... Когда я очнулся и потер себе лоб, то ощутил боль.
У плеча проступала кровь. Я находился несколько ниже
моего наблюдательного пункта, откуда скатился и затем уже
зацепился за кустарник. Я дважды выстрелил из револь-
вера. На сигнал не преминул явиться мой спутник. Я сооб-
щил ему о своем ранении. Он сжал кулаки и принялся неи-
стово ругаться; но я уверял, что стал лишь жертвой нес-
частной случайности. С его помощью я добрался до места,
где у нас были спрятаны лошади. Только на рассвете мы
достигли дома моего проводника, где он уложил меня в
свою постель. Раны у меня оказались несерьезные, и через
два дня я настолько оправился, что смог доехать до Моссу-
ла. Оказалось, что «Любимица» за время моего отсутствия
успела заболеть паршой. Я пристегнул к единственному мне
известному радикальному средству: сбрил всю ее густую
шерсть. Но теперь, для защиты от губительных лучей солн-
ца, ее пришлось облачить в чехол, который я сшил из нес-
кольких одеял. На голову ей я надел плоский соломенный
диск. В этом наряде «Любимица» имела кокетливый вид.

Пора было подумать и о возвращении домой. Я хотел
ехать водой: сначала по Тигру на плоту, поддерживаемом
пустыми мехами. Это был испытанный, освященный сто-
летиями способ передвижения по Тигру и по Евфрату. Та-
кой плот состоит примерно из 200 надутых воздухом козьих
мехов, соединенных в прямоугольник отверстиями вверх,
на котором устанавливается деревянный настил.

Я снова решил превратиться в бедуина, в расчете на то,
что в таком случае плотовщики сдерут с меня не так мно-
го, как это полагается с европейца. Я запасаюсь провиантом
на неделю, дровами и древесным углем, а для дромадера
был припасен небольшой мешок с ячменем. В одно прек-
расное утро я переселился на плот. На нем был разбит до-

вольно большой шатер с несколькими отделениями. Одно из них занял я со своим дромадером. Течение, довольно сильное, должно было донести нас до Багдада.

Берега реки были довольно однообразны и мало интересны. На переезд в 500 км вниз по реке пришлось употребить целых восемь дней. В утро моего прибытия в Багдад английский пароход отправлялся на Басру. Едва скрылись из виду рощи грациозных пальм, окружавшие Багдад, как по обоим берегам Тигра снова потянулись густые, низкие заросли тамариска. Но потом показались пышные пальмы, и растительность становилась все роскошнее. Сама Басра насчитывает около 40 тысяч жителей, — арабов, персов, индусов и негров, но от роскошных построек времен процветания этого города мало что осталось. Большинство домов производит впечатление жалких, полуразвалившихся лачуг. Прорезающий весь город канал окаймлен густыми зарослями пальм, которые задумчиво свешивают над водой свои кроны. Множество челноков и нарядных гондол придает оживление этому каналу и превращает город в род арабской Венеции. В крытых соломенными циновками амбарах громоздятся груды фиников, которых здесь насчитывается до 50 сортов. Товар, готовый к отправлению, уже запакован в кожаные мешки.

На пятый день моего пребывания в Басре прибыл английский пароход, шедший в Суэц. Нелегко было уговорить капитана взять к себе на борт покрытого паразитами бедуина с его дромадером.

Жара на палубе парохода была нестерпима; ее действие еще усугублялось особой влажностью воздуха. А тут еще мучили нас гигантские тараканы, ростом чуть не в 7 см. От них не было отбоя.

Шли мы крайне медленно. Грузились по целому дню чуть ли не в каждой гавани Персидского залива. После заходов в Маскат, Аден и Джедду мы добрались-таки до Суэца и, наконец, в одно октябрьское утро я завидел вдали свой шатер, крытый темной материей.

Эрнст Клипсель (1872–1953) – немецкий археолог, этнограф и антрополог, живший на Ближнем Востоке, автор книг «Гашиш: Египетские этюды» (1910), «Древний Египет: От доисторических времен до Александра Великого» (1924), «С бедуинами к дьяволопоклонникам» (1925), «Сред друзов, курдов и дьяволополовников» (1927), «Фараоны и их жены» (1928) и др.

Книга «Под маской араба» публикуется по первому русскому изданию (Л., изд. П. П. Сойкин, 1927) с исправлением некоторых устаревших особенностей орфографии и пунктуации. Термины и топонимы оставлены без изменений; сохранено редакционное предисловие. В оформлении обложки использована литография Ф. Фриша.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.